

УКРАЇНСЬКА РСР

1917-1957

СЛАВА РАДЯНСЬКІЙ УКРАЇНІ!

СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ — СОРОК ЛЕТ!

Незабываемое

Микола НАГНИБЕДА

Октябрьские строки

...Я знаю, споют
Благодарные внуки —
Той песне не будет конца —
Про наши
Не знавшие отдыха руки,
Не знавшие страха сердца.

И в праздник столетья,
В Октябрьскую дату,
Поэты на всех языках
Прославят
Литого из бронзы солдата,
Добывшего счастье в боях.

В то время
Оружие будет забыто,
От взрывов степям не дрожать,
И только герои на глыбах гранита
Оружие будут держать.

С дороги

Мне не спалóсь...
И в полусне,
Хоть я устал вчера с дороги,
То Днепр мерещился в огне,
То мнилась даль степная мне,
То зеленели перелоги...

Мне не спалóсь всю ночь...
Земля,
Согрета дружною весною,
Звала, звала меня в поля
И сединою ковыля
Шептала про Железняка,
Про тракториста-паренька,
Посеявшего яровое.

Мне не спалóсь всю ночь...
Степные
Легенды ожили, и вот
Передо мною, как живые,
Дружины Фрунзе боевые
Сиваш форсировали вброд.

Как ходят к другу и соседу,
Пришли ткачихи, слесаря.
Я слушал тихую беседу
Про труд геройский, про победы,
Пока не вспыхнула заря.

Настроение

Через день, через два
Забелеют сады,
Словно крылья лебяжьи
Коснутся воды,
У лиманов повиснут,
Туманов белей,
Над туманами звезды —
Ключи журавлей.
Не курлычут — сияют,
Летят надо мной
В необъятной степи
Повстречаться с весной.
И почудилось мне:
Трактористов огни —
Журавлиная стая
У ржавой стерни
С высоты опустилась
Напиться воды...
Через день, через два
Забелеют сады.

Послание сталеварам

...В час, когда заступает
полночная смена
И рабочие вахту сдают
у мартена
С пожеланьем добра,
В час торжественный тот,
где бы ни был в ту пору
Я душой улетаю
в степные просторы,
Мчусь к созвездьям Днепра.

Там, у Хортицы, в небе пылают пожары,
Там друзья-запорожцы, друзья-сталевары,
Прометеи мои,
Пот с лица отирают,
Сталь в ковши разливают
Так, что лавой клокочут ручьи.

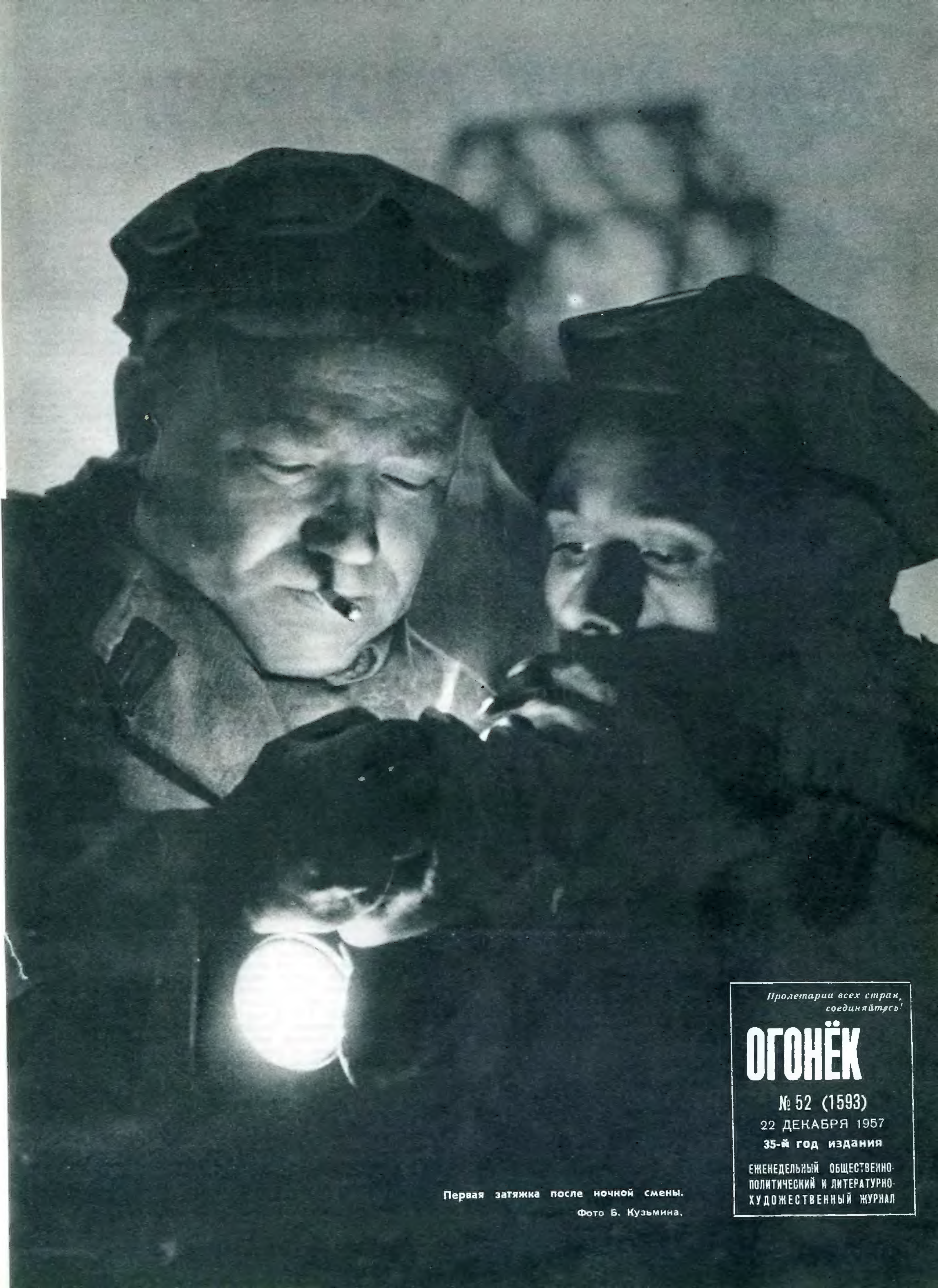
Поклонюсь молодым и скажу,
чтобы знали:
— Эти печи,
сегодня кипящие сталью,
На пустынной земле,
Тут, в степи, возвели коммунисты когда-то,
Забывая про отдых,
как в битвах солдаты,
Чтоб румянился хлеб на столе,
Чтоб над миром сияли октябрьские звезды,
Чтобы сталь помогала в суровой и грозной
Схватке с нашим врагом,
Чтоб над синью она зазвенела мостами,
Чтоб стояла она на границах щитами,
Как стоит волноломом...

Славлю сталь,
Что фашистов в боях победила,
Славлю сталь,
Что мостом на Янцзы перекрыла
Бег могучей струи.
Так пылайте над Хортицей в небе, пожары,
Вашей славы знамена, друзья-сталевары,
Побратимы мои!

Перевел с украинского
Дмитрий СЕДЫХ.

На первой странице обложки: Плакат работы Э. Коткова и В. Ламаха.

На последней странице обложки: В Одесском порту.
Фото А. Новикова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 52 (1593)
22 ДЕКАБРЯ 1957
35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Первая затяжка после ночной смены.
Фото Б. Кузьмина.

МЕЖ РАВНЫМИ РАВНАЯ

Д. КОРОТЧЕНКО
Председатель Президиума Верховного Совета УССР

Сорокалетие Украинской Советской Социалистической Республики украинский народ встречает как большой национальный праздник. Этот славный юбилей отмечается нашим народом в обстановке огромного политического и трудового подъема, вызванного празднованием сороковой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало новой эры в истории человечества — эры крушения империализма и утверждения нового, социалистического общества.

Украинское Советское государство родилось под знаменем Великого Октября, в огне жестоких классовых битв. Украинский народ гордится тем, что он, идя по ленинскому пути, первым вслед за русскими братьями свергнул власть капиталистов и помещиков, разгромил буржуазно-националистическую контрреволюцию и установил диктатуру пролетариата. Эта историческая победа была достигнута рабочим классом Украины в союзе с беднейшим крестьянством, при братской помощи всех народов России, под руководством героической партии большевиков во главе с В. И. Лениным.

Победа социалистической революции явилась поворотным пунктом в исторической судьбе украинского народа, как и всех народов царской России. До Октябрьской революции украинский народ подвергался тяжкому социальному и национальному гнету. Он не имел своей государственности. Его земли были расчленены на части. Богатства Украины принадлежали не людям труда, а капиталистам и помещикам, безжалостно эксплуатировавшим рабочих, крестьян, батраков. В то время по Украине, как писал Тарас Шевченко, «чорнiше чорної землi бродили люди», придавленные подневольным трудом и нищетой. Не раз украинский народ подымался на борьбу против поработителей, но только Октябрьская социалистическая революция избавила его от помещичье-капиталистической эксплуатации, навсегда покончила с национальным гнетом и полуколониальным положением Украины. В результате победы Великого Октября украинский народ обрел свою свободу и независимость, национальную государственность и стал полновластным хозяином своей судьбы.

25 декабря 1917 года — знаменательная дата в истории украинского народа. В этот день Первый Всеукраинский съезд Советов, выражая думы и чаяния многомиллионных масс украинского народа, провозгласил Украину Республикой Советов, распространил на ее территорию ленинские декреты о мире, о земле, о рабочем контроле над производством. Возвещая об установлении на Украине власти рабочих и крестьян, съезд Советов торжественно заявил об установлении нерушимого союза Советской Украины с Советской Россией, выразив этим непреклонную волю украинского народа всегда жить в братской дружбе с русским и всеми народами нашей страны.

Решения Всеукраинского съезда Советов были повсеместно встречены единодушным одобрением и полной поддержкой широких масс трудящихся Украины, которые восторженно приветствовали создание своего суверенного национального государства — Украинской Советской Республики. Рабочие и крестьяне Украины, руководимые большевиками, грудью встали на защиту своей молодой республики, на защиту своей родной Советской власти от внутренних и внешних врагов. Борьба эта была упорной и тяжелой. Трудящиеся Украины, идя в одном строю с трудящимися России и других советских республик, при их братской помощи разгромили контрреволюционную Центральную Раду, изгнали со своей земли полчища австро-немецких оккупантов, англо-французских интервентов, уничтожили белогвардейские, петлюровские и другие буржуазно-националистические банды, отстояли великие завоевания Октября. Большая роль в сплочении сил украинского народа принадлежит созданной в июле 1918 года Коммунистической партии Украины. Являясь составной частью великой ленинской партии, Коммунистическая партия Украины стала душой украинского народа в его борьбе за утверждение Советской власти, за социализм.

Огромное значение в жизни украинского и всех других народов нашей страны имело создание по замыслу В. И. Ленина Союза Советских Социалистических Республик. Образование СССР явилось выдающейся победой Советской власти, триумфом мудрой национальной политики Коммунистической партии. Равная среди равных, вольная среди вольных, Советская Украина в составе могучего Советского Союза обрела подлинное счастье, надежную гарантию своего государственного суверенитета. В братской семье народов СССР Украина превратилась в передовую индустриально-колхозную республику. Все эти успехи достигнуты украинским народом под руководством Коммунистической партии, в непримиримой борьбе против троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов и других врагов коммунизма.

В годы Великой Отечественной войны, которая была суровой проверкой силы и прочности советского общественного и государственного строя, украинский народ с честью выдержал выпавшие на его долю испытания. Следуя призыву Коммунистической партии, сыны и дочери Украины вместе со всеми народами СССР в рядах Советской Армии, в партизанских отрядах, на трудовом фронте проявили высокую ратную и трудовую доблесть. В ходе борьбы против фашистских захватчиков еще больше окрепла дружба народов СССР, упрочился союз рабочего класса и крестьянства, укрепилось нерушимое единство партии и народа.

Огромные преимущества нашего социалистического строя с еще большей силой проявились в послевоенные годы. Украинский народ при братской помощи всех народов нашей страны, и прежде всего русского народа, быстро ликвидировал тягчайшие последствия войны и добился новых замечательных успехов в развитии экономики и культуры, в подъеме благосостояния трудящихся. Благодаря могуществу СССР, руководству Коммунистической партии, успешному претворению в жизнь ленинской национальной политики наш народ осуществил свою заветную мечту о воссоединении всех украинских земель в едином Украинском Советском государстве — составной, неотъемлемой части великого Советского Союза.

Советская Украина стала одним из крупнейших государств Европы. Она вышла на международную арену, участвует в работе многих международных организаций и вместе со всеми социалистическими странами активно борется за мир и международное сотрудничество. Сейчас Украина добывает угля, производит чугуна, стали и проката в 4—5 раз больше, чем вся царская Россия в 1913 году. По объему производства важнейших видов промышленной продукции Советская Украина обогнала ряд крупных капиталистических стран. Наша республика выплавляет чугуна почти в полтора раза больше, чем Англия, и значительно больше, чем Франция, Италия и Австрия, вместе взятые. Украина добывает угля в два с лишним раза больше, чем Франция. Наряду с Донбассом успешно развиваются новые угольные бассейны — Львовско-Волынский и Приднепровский. Быстрыми темпами растет производство электроэнергии: в 1957 году электростанции республики дадут 40 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, или в 73 раза больше, чем производилось в 1913 году.

Успешно развиваются новые отрасли индустрии, которых до революции на Украине не было: цветная металлургия, станкостроение, тракторостроение, химическое, энергетическое, горнорудное машиностроение, авиационная, газовая и другие важнейшие отрасли промышленности. Значительные успехи достигнуты в развитии легкой и пищевой промышленности. Общий объем промышленной продукции Украинской ССР в 1956 году по сравнению с 1913 годом увеличился в 18 раз. Осуществленная недавно перестройка управления промышленностью и строительством открыла новые просторы для развития местной инициативы, позволяет лучше использовать внутренние резервы, приблизила руководство к предприятиям и стройкам, что способствует дальнейшему росту социалистического производства.

На основе колхозного строя произошли коренные перемены в жизни украинского села. Советское государство щедро оснастило социалистическое сельское хозяйство современной техникой. На полях нашей республики работает свыше 237 тысяч тракторов (в переводе на 15-сильные), более 75 тысяч различных комбайнов и много других машин. Труженики социалистических полей, борясь за осуществление намеченной XX съездом КПСС программы крутого подъема сельского хозяйства, из года в год повышают уровень колхозного и совхозного производства. Украина в этом году досрочно выполнила государственный план хлебозаготовок. Государству сдано и продано хлеба на 142 миллиона пудов больше, чем в прошлом году. Собран хороший урожай сахарной свеклы, из которой будет выработано свыше 200 миллионов пудов сахара. Перевыполнены планы заготовок и закупок мяса, молока и других продуктов животноводства. Животноводы республики все активнее трудятся над тем, чтобы внести свой достойный вклад в осуществление задачи, выдвинутой Центральным Комитетом КПСС перед всей нашей страной,— в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения.

Развитие социалистической экономики служит главной цели — непрерывному повышению благосостояния народа. Жизнь советских людей с каждым годом становится богаче, культурнее. Растет реальная заработная плата рабочих и служащих, увеличиваются доходы колхозов и колхозников, расширяется производство промышленных и продовольственных товаров, в широких масштабах ведется жилищное строительство. В 1956—1960 годах на Украине будет построено свыше 50 мил-

19 ДЕКАБРЯ В КРЕМЛЕ ОТКРЫЛАСЬ ДЕВЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВА.

На снимке: группа депутатов Верховного Совета СССР от Украинской ССР. Слева направо, в первом ряду: А. П. Шепель — агроном колхоза имени Калинина, Полтавской области; М. И. Титенко — заведующая хирургическим отделением Херсонской городской больницы; А. Г. Гоголь — заведующая отделом социального обеспечения города Станислава; А. С. Хмарук — директор сельской школы в Винницкой области; М. А. Посмитный — председатель колхоза имени Буденного, Одесской области; во втором ряду: И. И. Хотенков — мастер листопрокатного стана Макеевского металлургического завода; В. П. Дикань — токарь Харьковского тракторного завода; Н. К. Сербинович — горный мастер шахты № 1 имени Челюскинцев в Донбассе; Я. Н. Шарабан — инструктор передовых методов труда завода имени Орджоникидзе в Краматорске; Н. Т. Подольский — секретарь Изяславского райкома партии, Хмельницкой области; А. С. Мобило — председатель колхоза «Заря коммунизма», Ровенской области; А. В. Гострый — машинист-инструктор станции Джанкой.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Новикова.

лионов квадратных метров жилой площади в городах и поселках, 860 тысяч домов для колхозников и сельской интеллигенции. Это значит, что объем жилищного строительства в нашей республике по сравнению с пятой пятилеткой увеличивается в два с лишним раза.

Социализм не только уничтожил социальное неравенство людей, но раскрепостил и духовные силы народа. В республике повсеместно введено семилетнее обучение детей и успешно осуществляется переход ко всеобщему среднему образованию. Если до Октябрьской революции на Украине не было ни одной школы с украинским языком обучения, то теперь их насчитывается более 25 тысяч. Кроме того, в нашей республике имеется много школ с русским языком обучения, а также молдавским, польским, венгерским. Все дети обучаются на их родном языке. На Украине создана широкая сеть высших учебных заведений, техникумов, школ профессионального обучения. Пышно расцвели украинская советская литература, музыка, изобразительное искусство, народная художественная самодеятельность.

За годы Советской власти на Украине выросли из среды рабочих и крестьян тысячи талантливых организаторов промышленного и сельскохозяйственного производства, чудесные мастера — герои труда, замечательная народная интеллигенция, прославленные новаторы науки и техники. Все они — величайшее богатство нашей республики, гордость нашего народа.

Советская Украина, являясь социалистическим государством рабочих и крестьян, управляется самими трудящимися через избранные ими органы власти — Советы депутатов трудящихся. По Украинской ССР избрано в Советы более 337 тысяч депутатов. В их составе 38 тысяч рабочих и свыше 173 тысяч колхозников. В Советах широко представлена народная интеллигенция. В числе депутатов более 112 тысяч женщин. Актив Советов республики и их постоянных комиссий составляет около миллиона человек. Все это убедительно говорит о том, что подлинными хозяевами нашей страны являются трудящиеся, что советский строй представляет собой высшую форму демократии, демократии для широчайших народных масс. И как бы ни бесновались злейшие враги нашего народа — украинские буржуазные националисты и другие наши недруги за рубежом,— они своей змеиной клеветой не могут затмить тех величайших успехов, которых достиг украинский народ в братской семье народов могучего Советского Союза.

Сороковую годовщину со дня провозглашения Советской власти на Украине наш народ встречает в полном расцвете своих творческих сил. В ответ на Обращение к народам Советского Союза, принятое Верховным Советом СССР на юбилейной сессии, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, трудящиеся Украины, как и все советские люди, все шире развертывают социалистическое соревнование за досрочное выполнение производственных планов, за успешное претворение в жизнь исторических решений XX съезда КПСС.

Величественные перспективы дальнейшего мощного подъема социалистической экономики, изложенные в докладе товарища Н. С. Хрущева на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, вдохновляют советских людей на новые славные дела. Рабочие, колхозники, интеллигенция, все трудящиеся УССР прилагают свои усилия к тому, чтобы внести достойный вклад в осуществление великой всенародной задачи — в ближайшие 15 лет не только догнать, но и превзойти современный объем производства важнейших видов продукции в США. Единодушным одобрением встретил украинский народ, как и все советские люди, Декларацию и Манифест мира, принятые на совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий. Эти исторические документы вселяют в наши сердца еще бо́льшую уверенность в торжестве великих идей мира, демократии и социализма.

Трудящиеся Украины хорошо знают, что всеми своими успехами в развитии экономики и культуры, всеми завоеваниями, достигнутыми за сорок лет Советской власти, они обязаны родной Коммунистической партии Советского Союза, братской взаимопомощи народов нашей страны. Коммунистическая партия Украины — боевой отряд КПСС — на протяжении всей истории Советской Украины уверенно вела и ведет украинский народ по ленинскому пути, все теснее сплачивая свои ряды и всех трудящихся Украины вокруг славной Коммунистической партии Советского Союза и ее Центрального Комитета. Под знаменем ленинизма, под руководством Коммунистической партии, в тесном единстве и дружбе со всеми народами СССР украинский народ добьется новых успехов в коммунистическом строительстве.

ОЗАРЕННАЯ ОКТЯБРЕМ

Максим РЫЛЬСКИЙ

Адам Мицкевич так писал об Украине: «Между державами монголов и турок лежит безграничный край, чрезвычайно интересный для истории и литературы. Эта обширная местность носит название Украины... Украинские просторы — столица лирической поэзии. Отсюда песни неизвестных поэтов распространялись часто по всей Славянщине. Казак, сидя возле своей землянки или в шалаше из тростника, слушая молча, как его конь, пасущийся неподалеку, жует траву, бросает взгляд на зеленые степи и думает, мечтает о боях, которые здесь происходили, о победах и поражениях, которые здесь были».

Эта Украина, разумеется, мало общего имела с современной Мицкевичу реальной Украиной. Это была Украина воображаемая, романтическая, фантастическая, какой она была и у любимца Адама Мицкевича — Богдана Залесского, и у великого Юлиуша Словацкого. Но припомните, что и юношеские «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, за исключением «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», давали прекрасную, чарующую, но далекую от суровой действительности картину земли, на которой живет «племя поющее и пляшущее».

Страшное слово о настоящей, подлинной Украине сказал Гоголь в «Миргороде» — в «Старосветских помещиках» и в повести о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, но и там нет ни слова о самом большом зле того времени — крепостном праве. Нет об этом зле ни слова и у добродушного Квитки-Основьяненко. Краем, «где все обильем дышит», казалась Украина и А. К. Толстому.

Только Шевченко бросил миру в лицо горькую правду о прекрасном, безгранично талантливом и безгранично несчастном украинском народе. Эту правду подхватили и понесли и Марко Вовчок и Панас Мирный, а затем и Карпенко-Карый, и Леся Украинка, и Коцюбинский, и Архип Тесленко, а по ту сторону тогдашней границы — Федькович, Франко, Кобылянская, Стефаник, Мартович, Черемшина...

Но и созданная в мечтах фантастическая Украина Мицкевича и автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и страшная, реальная Украина Шевченко, Мирного, Франко только как тень проходит в нашем представлении, когда мы думаем о современной Украине — Украине советской...

Новую, индустриальную Украину провидел Александр Блок, когда накануне первой мировой войны писал:

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

Но Украина не стала новой Америкой. Она стала **новой Украиной,** стала в кругу своих убранных цветами сестер той страной, где сбылись вещие слова Тараса Шевченко:

Врага не буде, супостата,
А буде син і буде мати,
І будуть люди на землі.

Эти люди, люди неуемного трудолюбия и неутомимой творческой мысли, покрыли свою плодородную землю чудесной сетью гидроэлектрических сооружений и оросительных систем. Эти люди, поля которых топтали, села и города разрушали и «свои» скоропадские, петлюры, махно, и деникины, и врангели, и интервенты всех мастей, и фашистские полчища,— эти люди сквозь кровь и сквозь муки, показывая миру невиданные примеры героизма в тесном, неразрывном союзе с народами-братьями, с великим русским народом, совершают невиданные подвиги мудрого и вдохновенного труда. Эти подвиги совершаются в шахтах, сорок лет назад принадлежавших в основном иноземным капиталистам, где теперь добывают известные ранее и ранее неизвестные руды и ископаемые из недр земли, творят невиданные чудеса, собирая урожаи известных ранее и ранее неизвестных сельскохозяйственных культур...

Как свободные со свободными и как равные с равными говорят украинцы со всеми своими братьями, народами Советского Союза. Они ведут перекличку со всеми миролюбивыми народами земли в совместной борьбе за мир и справедливость. Они творят науку, литературу, искусство. Они учат своих детей истине, добру и правде в школе, где во весь голос зазвучало гонимое некогда, преследуемое, затаптываемое царскими, цесарскими, панскими прислужниками и сатрапами украинское слово. Они с глубокой любовью склоняются над книгами и Шевченко, и Франко, и Пушкина, и Горького, и всех гениев человечества; они взяли на вооружение все лучшее, что дала на протяжении веков мировая литература. Их золотая песня летит во все концы земного шара. Возрожденные города и села смотрятся в тихие воды родных рек, как умытые утренней росой девушки. Они слились в одну счастливую семью по обе стороны Карпат — и парень из Бескид добывает орудиями самой новой техники уголь в Донбассе, а херсонец или харьковчанин несет слово истины юношам и девушкам в светлых аудиториях Ужгородского университета...

И все это — да разве только это?! — дал Украине Октябрь, дал тот день, когда украинский народ вслед за народом русским бестрепетно и навечно встал под знамя социалистической революции.

Кладе уклін доземний Україна
Ясному Жовтню в сороковий рік,
За все добро, за матір і за сина,
Що гніту вже не знатимуть повік.

Плете вінок щаслива Україна
З пахучих трав, колосся і квіток,
Щоб велетнів безсмертних домовина
Із рук трудящих прийняла вінок.

В подяку Жовтню славна Україна
Дива являє і вершить діла,
Яких без нього сила ні єдина
Замислити й здійснити не могла.

Покірні людям книга і машина
Ростять видиме щастя на землі,
Кують прийдешнє світле ковалі,
І серед них Радянська Україна.

ДОМИК НА ЛАБОРАТОРНОЙ

Лабораторная улица — сейчас она называется улицей Ульяновых — круто уходит вверх... Небольшой двухэтажный домик под номером двенадцатым. Здесь, во дворе, в маленьком деревянном флигеле, свыше полувека назад поселилась семья Ульяновых: мать Владимира Ильича Мария
мать Владимира Ильича Мария Александровна и его сестры Анна и Мария Ильиничны. Месяцем раньше в Киев приехал брат Владимира Ильича Дмитрий, который жил на Пушкинской улице, в доме номер тридцать два.

Ульяновы прибыли в Киев по поручению ЦК партии и Владимира Ильича. Они были уже тогда широко известны в революционных кругах России как стойкие революционеры-марксисты.

После Второго съезда РСДРП борьба между большевиками и меньшевиками обострилась. В частности, в Киевском комитете РСДРП начали обнаруживаться меньшевистские настроения. Это и встревожило Ленина.

Дмитрий, Анна и Мария Ульяновы справились с поручением партии. Они настолько активизировали революционную деятельность, настолько оживили работу местных социал-демократических организаций, что киевский генерал-губернатор не на шутку переполошился. Местные власти даже решили, что здесь, по-видимому, состоится очередной партийный съезд. В донесениях царской охранки сообщалось, что ожидается приезд Ленина. В связи с этим охранка установила постоянную слежку за домиком на Лабораторной.

И вот в ночь с первого на второе января 1904 года в домик на Лабораторной нагрянула жандармерия. Брат и сестры Ульяновы были арестованы. Но под давлением нараставшего революционного движения царские власти
ного движения царские власти вынуждены были освободить Ульяновых из тюрьмы. Вскоре они покинули Киев, чтобы продолжать революционную работу в других местах России.

О тех далеких днях напоминает мемориальная доска на домике.

В. МИХАЙЛОВ,
Я. ЯКОВЧУК

«А вышло по-нашему...»

Недалеко от Харькова, в полутора часах езды на автобусе, расположены Валки — одни из живописнейших районных центров Харьковской области.

Здесь 55 лет назад царское самодержавие учинило «шемякин суд» над непокорными крестьянами. «Недавнее движение,— писала «Искра», подводя итоги крестьянских бунтов,— было непосредственно вызвано крайним обострением хронической нужды систематически и бессовестно ограбляемых крестьян».

В селе Снежкове, Валковского района, живет колхозный пенсионер дедушка Петр Онуфриевич Назаренко, участник тех далеких событий весны 1902 года, когда отчаявшиеся крестьяне-бедняки подняли руку на «хозяйское» добро. Каратели схватили 23-летнего Назаренко вместе с другими неповинными мужиками, пороли его, а потом, после судебного фарса, посадили в тюрьму...

Колхоз-миллионер «Большевик» назначил Петру Онуфриевичу пенсию — 200 трудодней, но он еще чувствует силу в руках, не бросает плотницкого топора: ведь строительство в колхозе с каждым годом увеличивается, мастера нужны.

Часто собираются вокруг Петра Онуфриевича сельские ребята, и, начиная свой рассказ, он, хитро улыбнувшись, обязательно говорит:

— А вышло, в конце концов, все же по-нашему...

В. БАРАЦ
Фото Н. Гурова.

В ГОСТЯХ У ПЕСЕННИКА-ПОЭТА

Павло ТЫЧИНА

Внступає нас немало,
Аж дванадцять косарів!
Косим клевер, косим трави
На комунівській землі.
Іван Шевченко

Из сборника «Червоний пісенник», Харьков, 1925.

I

Куда, машина, ты бежишь
в вечерней сини поседелой!
Куда бежишь
под свежим пологом тумана!
— А мы спешим в село Павлыш,—
есть там у нас в колхозе дело
у славного певца Ивана.

На небе звезды — все светлей...
Хлеба поникли и заснули.
Во мглу полей
склонился месяц — медный, ржавый...
Мы про двенадцать косарей
в машине песню затянули.
Жаль — не хватало нам октавы.

Вот — дуб... вослед нам шум послал...
И тополь... Ты вздыхаешь, что ли!
Что дуб шептал!
И ты о чем!.. Но шелест глуше...
В октаву, низко, месяц взял,
и мне почудилось, что поле
со сна приподнялось послушать...

Даль... Переливный блеск огней!
То Кременчугской ГЭС сиянье...
На блеск огней
направим путь мы завтра рано...
А песня рвется все сильней,
и, несмотря на расстоянье,
слышна, пожалуй, павлышанам.

Чья это песня нас несет!
Того, к кому мы поспешаем.
Вперед несет...
И вот — спускаемся в долину.
Селенье дремлющее — всё
открылось нам... Мы замолкаем.
— К тем тополям — веди машину!

II

...Стемнело. Вот он, этот двор!
— А ну, встречай гостей, Иване!
Вошли во двор.
Иван встречает, обнимает
нас, как былинный Святогор.
А небо в звездах, как сказанье,
над яворами нависает.

Его жена, сестра, сынок —
все так радушны, так нам рады!
Бежит сынок...
И дед и бабка показались...
— Какой же долгий, долгий срок
(Здесь сядем! Больше здесь прохлады...),
какой же срок мы не видались!

В беседке, под густой листвой,
мы сели. Месяц закатился.
Но под листвой
нам светит лампа... Ночь. А жарко.
Сулейку и поднос с едой
внесли. Кружок наш оживился:
— За встречу поднимайся, чарка!

Поэт — на миг один — притих
(Жена печальный взгляд склонила),
на миг притих...
И ожил дух несокрушимый.

Как тяжко забывать своих!..
Смерть сына на посту скосила...
— Бессмертен он, твой сын любимый!

Наперебой — Иван, жена:
— У нас какие люди! — Чудо!
И жизнь полна
такого гордого значенья!
За свой народ отдать сполна
всего себя... Геройство — всюду!
И льется, льется речь в волненье...

— Хотите знать про урожай!
Сказать хотелось много мне бы!
За урожай
взялись мы крепко, дружно, верно.
Вот цифры здесь... Соображай!
Ведь столько одного лишь хлеба
на трудодень дадим... примерно...

И тут Иван: — Народ люблю!
— А как стихи и песни! Пишешь!
— Я труд люблю!
— А может, ты нам почитаешь!
— Да нет уж... как-нибудь... Пришлю...
— Тогда — пиши! Давай! Ты слышишь!
Скажи, что нам ты обещаешь!..

...Корова в темноте вздохнет...
— Спать... спать!..— в листве прошепчет воздух.
Ночь настает.
Калитка — звяк... и все стихает.
Свой свет неяркий лампа льет
в густую тень... А небо в звездах
переливается, играет.

И мы встаем. Уж поздний час.
В такую темень ехать где ж вам!
Да вы у нас
ночуйте! Утром бы собрàлись!..
— Нет! Нет! — Волосожар погас
на небе, нежно посиневшем.
Мы обнялись и попрощались.

Во тьме мы ехали... Свети
нам, ГЭС, сверкающею новью!
Гори, свети
в ночи сиянием бессонным!
Труд исполинский на пути —
и сколько лет! Советских лет!..
Но обновляется весь свет
трудом великим, озаренным
всечеловеческой
любовью.

Перевел с украинского
Владимир ДЕРЖАВИН.

ДОБРЫМ ЛЮДЯМ НА ЗДОРОВЬЕ

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ,
редактор газеты «Радянський Крим»

...Невероятное нагромождение гор и ровные долины, богатейшая растительность и голые скалы, широкий степной простор и с трудом проходимые лесные тропы... Небо голубое и высокое-высокое, а воздух такой прозрачный, будто звенит. Это все от прнроды. Но не меньшие чудеса творят на этой земле люди, выращивающие знаменитые крымские фрукты, виноград, создающие прославленные крымские внна. Крымчане круто поворачивают экономику края, поставив перед собой задачу — превратить Крым в область сплошных садов н виноградннков.

До Великой Отечественной войны в Крыму было 11 630 гектаров виноградников и 19 580 гектаров садов. Много из них за время войны погибло, а восстановление шло медленно. До 1956 года прирост многолетних насаждений в области составлял только 7 500 гектаров. А за два года — 1956-й и 1957-й — колхозы, МТС и совхозы Крыма заложили 39 600 гектарсв садов и виноградников. Общая площадь их теперь составляет свыше 50 тысяч гектаров.

Много зто или мало? Немало. Ведь виноград или яблоня — это не овес и не ячмень. Сколько нужно поднять плантажа! Под каждый саженец выкопать ямку, а саженец... Приходится пятьдесят раз поклониться ему в пояс, пока он станет посадочным материалом! На каждые два гектара виноградника необходимо построить жилой дом, создать условия для того, кто будет ухаживать за виноградником. И мало поселить человека, его нужно еще «приземлить», научить обращаться с подвоем, с лозой, а это штука тонкая...

Но все преодолевается, и дело идет. Крымчан вдохновили теплые слова Ннкиты Сергеевича Хрущева, сказанные в адрес нашей области на открытин Всесоюзных сельскохозяйственной и промышленной выставок. Много внимания и большую помощь оказывают Крыму партия и правительство.

Сады, виноградники растут вверх, к голубому небу, и вширь — от Ялты и прославленного Севастополя до самых Сивашей, до овеянного легендами Перекопа дошлн...

А впереди сколько дел! Пятьдесят тысяч гектаров степной земли оросит и 350 тысяч гектаров обводннт Северо-Крымский канал. Его строительство начнется в 1958 году. Неузнаваемой станет степная часть Крыма.

В 1960 году площадь под садами и виноградниками достигнет 200 тысяч гектаров — это в шесть с лишним раз больше, чем было до войны, и в четыре раза больше, чем есть сегодня.

Двести тысяч! А может, и не двести... Ведь вначале это была цель крымской десятилетки. Взяв разбег, срок уже через год сократили наполовину, а некоторые хозяйства — до четырех лет. Может, еще дальше пойдут...

Крым пользуется славой всесоюзной здравницы. Здесь отдыхало в прошлом году свыше 600 тысяч трудящихся. Мы уже видим наши курорты способными принять на отдых миллион человек. Это — тоже вполне реальное дело.

Пусть расцветает Крым добрым людям на здоровье!

→ Крымская область, совхоз «Малореченское» винокомбината «Массандра». На участке звена Нины Тихоновой идет сбор сортового винограда для высококачественных вин.

Фото Л. Яблонского.

Рассказ

Натан РЫБАК

Памятник В. И. Ленину в Киеве.

Фото Н. Козловского.

Мягкие тона зари быстро менялись на холодном небе и угасали. Над Невой волнистой полоской поднимался туман. Высокие окна Зимнего дворца были темны и безжизненны. Только патрули на плацу слышали стук пулеметных колес за воротами, отрывистые слова команды и нарастающий тревожный шум. Спускалась ночь, ветреная и холодная. Раскладывать костры на плацу было запрещено. Бегали по очереди греться в подъездах домов, в воротах. Дождавшись своей очереди, побежал и Максим Найда. Около костра стояла толпа вооруженных людей.

— А ну, товарищи, дайте погреться, — попросил Максим.

Люди расступались неохотно. Максим протолкался к костру, протянул к огню окоченевшие руки. Разговор вокруг костра стих. Максим огляделся. Плечом к плечу стояли пожилые и молодые рабочие с винтовками за спиной; особняком держались несколько моряков, и в стороне, будто кто его дергал за веревочки, пританцовывал низенький усатый человечек в синих очках, поблескивавших под широким козырьком кепки. Видимо, он до сих пор и был здесь самым разговорчивым. Чей-то голос из толпы не то насмешливо, не то поощрительно спросил:

— Что примолк? Говори дальше!

— О чем толковал? — кивнул головой в сторону усатого Максим.

— Агитация, — ответил солдат, протискавшись ближе. — Говорит, мол, напрасно на Зимний идем, постреляют нас юнкера, у них пушек там бессчетно, а жизнь, мол, сама по себе и так, мол, наладится. Обдуривают вас, говорит, большевики. А теперь, видишь, примолк. Может, ты ему чем не понравился?

Человек в кепке суматошливо огляделся, поправил очки на переносице и, застегнув длинное пальто, стал пробираться к выходу.

— Стой! — хрипло сказал Максим. — Куда торопишься? И мне бы обстановку рассказал. Не годится так, товарищ дорогой. А ну, покажи, кстати, документ.

— По какому праву? — огрызнулся тот. — А ты кто? — Он настороженно оглянулся, ища поддержки.

— Я начальник красногвардейского отряда. Ваш документ?

Максим заметил, как усатый побледнел, роясь в кармане.

Громкий пушечный выстрел раздался где-то неподалеку, и сразу же хлопотливо заговорил пулемет.

— Началось! — весело крикнул кто-то. — Теперь держись!

— Эх, сразу бы уж! — разволновался Максим и повернулся к толпе: — Давайте, товарищи, побыстрее!

Он вытащил маузер и двинулся к плацу. Кто-то из бежавших рядом зацепил винтовкой Максимову бескозырку, она слетела с головы, а подбирать было некогда. Через минуту под воротами не осталось никого, замешкался лишь усатый в кепке. Он быстро наклонился, поднял бескозырку. Костер осветил золотые буквы на околыше: «Аврора». Человек сунул в карман свою кепку, натянул на голову бескозырку и выскочил из ворот...

...За Зимним дворцом, над темными громадами города, полыхнули огни. Все усиливался пулеметный огонь. Когда Максим прибежал на заставу, отряд уже строился. К нему подбежал помощник, слесарь-путиловец Дронов, и крикнул Максиму в самое ухо:

— Приказ Ленина — штурмовать Зимний. Нам задание — прорваться сквозь ограду с правого фланга и отрезать юнкерам путь к отступлению. — Он показал рукой в сторону, но Максим уже не смотрел на него.

— Отряд! — крикнул он, и это слово будто разрезало воздух. — За мной, вперед!

Навстречу ударил косой дождь пулеметного огня, и кто-то, протяжно охнув, упал перед Максимом. Перешагнув через раненого, Максим скомандовал:

— Залегай цепью, огонь!

Дружно ударили винтовки.

— Вперед, товарищи, по одному, вперед!

Поднимались поодиночке, перебегали, падали и снова поднимались.

Путиловский слесарь лежал у пулемета. За низкой каменной стеной флигеля притаились юнкера. Через узорчатые ворота видно было, как они перебегали с места на место.

Максим подвел свой отряд ближе. За стеною примолкли.

— Последняя ночь для них, — проговорил тихо путиловец. — Слышишь, матрос, говорю тебе, последняя. — Он смолк, задумался и добавил: — Может, убьют меня, но знаю и верю — конец им приходит. Да. А сына моего замучили, сволочи, на войне сгноили. Брата в пятом году казаки девятого января на Сенатской площади запороли...

Максим лежал, слушая взволнованный рассказ пулеметчика, пристально следя за тем, что делалось за стеной. Мельком подумал, что вот свела его доля с путиловцем вчера утром, а до этого он никогда не видал и не знал его и теперь еще не знает имени его, а ведь в груди уже плещется теплая волна братского чувства к старому слесарю.

Будто отгадывая его мысли, слесарь сказал:

— Ты моряк, а я рабочий. Вчера встретились впервые, а в бой идем за одно дело. Зовут меня Степан, тебя как?

— Меня Максим.

— Откуда?

— С Херсонщины, из Алешек. Есть такое село на Украине, много моряков родом оттуда.

— Слыхал. Дома кто?

— Мать и трое сестер. Батьку в японскую войну убили.

— На «Авроре» служишь?

— Ага.

— Большевик?

— Да, — ответил Максим. — А ты?

— Тоже, с четырнадцатого года.

— Ленина видал? — спросил Максим, поднимаясь на локти и напряженно вглядываясь перед собой.

— Не видал. А знаю про его жизнь много. Сильно увидеть хочу.

— А я видел, — гордо сказал Максим Найда. — Видел и разговаривал, вот так, как с тобой.

— Счастливый, — выдохнул завистливо Дронов, — обласкала тебя доля. Великий человек наш Ленин!

— Нашей правдой живет, — тихо проговорил Максим, пристально вглядываясь в темноту. Сердце его застучало часто. И, вспомнив во всех подробностях свою встречу с Лениным, он уже не мог молчать, а хотелось рассказать про эту встречу всем, кто лежал рядом у пулемета, кто с таким нетерпением ждал команды, чтобы подняться и кинуться, стиснув зубы, на штурм царского дворца, где притаились лютые враги. Ведь так и сказал ему Владимир Ильич: «На последний штурм, товарищ Найда, поведете сегодня бойцов за рабоче-крестьянскую власть».

У Максима Найды в памяти снова ожили те радостные минуты, и он опять увидел себя у просторных дверей Смольного с винтовкой в руке, а в двух шагах от себя — Ленина и Дзер-

рассветом

жинского. И снова услышал Максим Найда спокойный и ясный голос Ленина:

— Вы говорите, хотят односельчане, чтобы со мной посоветовались, как с помещиками поступать? Забирать или нет землю?

Ленин засмеялся, тронул Максима рукой за плечо, заглянул в глаза ему и, посуровев, спросил:

— А вы как думаете, товарищ Найда?

Максим знал, что надо ответить, но от волнения не мог выговорить ни слова. Он только сильнее стиснул в руке письмо от своих односельчан, про которое только что рассказывал Владимиру Ильичу. Ильич взял у него из руки письмо и быстро вслух прочел косо написанные строчки. Дзержинский через плечо Ленина заглядывал в помятый листок. Ленин вернул письмо Максиму и снова тронул рукой его плечо:

— Пишите им: землю отобрать, обязательно отобрать, и помещика гнать. Передайте им мой привет и напишите, что желаю им счастья.

— Спасибо, товарищ Ленин. Хорошо, товарищ Ленин.

А Владимир Ильич уже шел дальше длинным коридором, окруженный своими товарищами и людьми в военном, а через несколько минут Максима позвали к Дзержинскому, и Дзержинский вручил ему приказ за подписью Ленина — возглавить третий сводный отряд красногвардейцев, организовавшийся из матросов, рабочих-путиловцев и солдат.

— Ведите бойцов на Шпалерную, а там ждите сигнала «Авроры».

Максим Найда пожал крепко протянутую Дзержинским руку и сказал:

— Как лев буду драться, товарищ Дзержинский.

— То есть как революционер, — засмеялся Дзержинский. — Желаю удачи, товарищ Найда.

...И вот Максим Найда лежал у пулемета рядом со своими помощниками и ждал сигнала к атаке.

Прозвучал басовитый голос Дронова:

— Так ты же расскажи, про что с Лениным говорил.

Максим тихо и не спеша заговорил, и люди слушали его, затаив дыхание.

Когда замолк, кто-то спросил:

— А письмо послал землякам своим?

— Послал. А как же! Сразу же, еще там, в Смольном, написал и опустил в ящик.

— Дойдет ли? — с сомнением отозвался тот же голос. — Разруха!

— Дойдет, — убежденно проговорил Дронов. — Раз в том письме ленинская воля, она обязательно дойдет. Правде никакая разруха не страшна.

— Правда Ленина — наша правда, — сказал твердо Максим Найда.

Ветер с Невы все усиливался. Красногвардейцы лежали на расстоянии двух — трех шагов друг от друга. От пушечного выстрела дрогнула ночь.

— «Аврора»! — сказал Максим.

— Она! — подтвердил Дронов.

— Начинай, — приказал Максим Дронову. — Огонь!

Дронов кивнул головой, и в тот же миг зацокотал пулемет. Максим поднялся и кинулся вперед, за ним побежали красногвардейцы. Через минуту они уже были у стены. Пчелиным роем гудели пули над головой. Несколько человек принесли бревно, раскачали и ударили дважды в ворота. Они хряснули и раскрылись. Максим ворвался во двор, за ним кинулись красногвардейцы. В углу за мешками с песком притаились юнкера. Максим поднял над головой гранату.

— Руки вверх! — крикнул он.

* * *

Ночь подходила к концу. Туман полз поверху, вдоль гранитных берегов. Стрельба стихала. Только где-то за казармами гвардейских полков стрекотали пулеметы. Над Зимним дворцом заполоскалось знамя революции. Ветер надувал красное полотнище, и оно, как парус, устремлялось на восток, к рассвету. Повсюду на территории дворца расставлялись караулы. Отряды строились на плацу перед дворцом. С Невского проспекта все громче раздавались звуки оркестров, и грозным отголоском тысяч и тысяч шагов полнились улицы и переулки, площади и бульвары.

Максим повел свой отряд, согласно приказу, к Смольному. Четко отбивали шаг по мостовой красногвардейцы. Бодро зазвенела песня: «Смело, товарищи, в ногу». На Шпалерной задержались. Толпа заполнила улицу и гомонила.

— Разойдитесь, товарищи, дайте пройти отряду, — начал Максим, но осекся, разведя от удивления руками: среди толпы был тот самый человек, который стоял у костра в подворотне. Двое солдат его держали за руки. Максим узнал на нем свою бескозырку. Завидев Максима, человек стал вырываться изо всех сил.

— Пустите, слышите, пустите! — кричал он солдатам. — Вы будете отвечать!

— Помолчи, — приказал ему Максим. — Где поймали его, товарищи?

— У казармы нашей крутился, говорил, что с «Авроры» его послали, звал нас выступать в тыл красногвардейцам, которые атакуют дворец. Полковой комитет приказал его в ревком отвести, он идти не хочет.

— Ага, так, — кивнул головой Максим, — понятно теперь. Вот и встретились, — обернулся он к человеку и снял у него с головы свою бескозырку. — Теперь ты скажешь, кто ты?

— Я член комитета меньшевиков, я лицо неприкосновенное, и вы не имеете права...

— Именем революции, — проговорил Максим, — как провокатор и контрреволюционер вы арестованы. Кужелев! — крикнул Максим.— Бери двух матросов и веди в ревком его, а если попробует бежать, стреляй.

— Знакомый человек, — сказал бородатый дворник в фартуке, — в нашем квартале он четырехэтажный дом имеет.

— Больше не будет иметь! — сказал Максим.

Перед Смольным собирались отряды. Светало, когда Максим привел туда и свой. Было тут шумно и весело. На лестницу из высоких дверей вышел человек в кожанке и попросил товарищей, чтобы затихли. Он показал рукой вверх на окно, тишина воцарилась на площади. Подняв голову, Максим, как и сотни других красногвардейцев, увидел в открытом окне Владимира Ильича Ленина.

Владимир Ильич стоял с простертой рукой, а над площадью и до небес мощной высокой волной гремело победное, счастливое и радостное «ура».

Красногвардейцы, рабочие и солдаты восторженно встречали вождя революции.

— Ленин! — взволнованно крикнул путиловец Дронов.

— Ленин... Ильич! — отозвался Максим Найда и тихо добавил: — Наш Ленин!

...И уже вся площадь полнилась этим одним простым и родным именем, которое с любовью и преданностью выкрикивали люди.

Перевел с украинского
П. КРАВЧЕНКО.

Арсенал

Микола ТЕРЕЩЕНКО

Под арсенальской крепостной стеною
остановись и в мыслях помяни
все, что бессмертной стало стариною,—
незабываемых сражений дни.
Советская рождалась Украина,
как явор, над землей шумит она,
и вновь воспоминания стремнина
уносит нас в былые времена.

Не знают передышки арсенальцы,
сражается рабочий бастион,
хотя в подсумке тщетно шарят пальцы,
хотя огонь вокруг, со всех сторон.
Бойцам их сестры обмывают раны,
и день и ночь сражение идет.
О, сколько глаз закрылось слишком рано,
глядевших так мечтательно вперед!
На помощь арсенальцам лыбедские,
подольские товарищи спешат,
но рядом закоулки городские,
соседние дворы врагом кишат.

Патронов нет в рабочей цитадели.
Хлеб кончился. Пришла к концу вода.
На камне кровь густеет. Неужели
ворвутся черношлычники сюда?
Еще идет защита Арсенала,
хотя завод кровавой залит мглой.
Здесь правда большевистского закала
с неправдою вела жестокий бой.
У заводских ворот полки Петлюры,
Центральной рады чванные войска.
Кто смеет говорить о сдаче? В хмурый
час предрассветный бурей на врага
в атаку устремились арсенальцы,
как ненависть подсказывала им.
На шее вражеской сжимались пальцы,
и страшно было желто-голубым.

Но силы у защитников не стало,
их повели на муку палачи.
И сердце гневной яростью пылало,
и взор глядел на первые лучи,
глядел туда, где вдаль легла дорога,
где загоралась светлая пора.
По улице Московской на подмогу
уж скоро к нам придут из-за Днепра!

И только солнце брызнуло лучами
и разлилось сияние кругом,
запели пулеметы под горами,
из-за Днепра орудий грянул гром.

Уже идут на помощь из России,
спешит помочь родному брату брат.
Расстрелянные стены заводские
с надеждой за январский Днепр глядят.
И встрепенулись люди на Подоле,
и лыбедские всколыхнулись вновь.
И отомстили мы за дни неволи,
за незабвенных арсенальцев кровь.
Враги разбиты были, были смяты,
в знаменах красных Киев ликовал.
За диктатуру пролетариата,
за власть Советов к новым битвам звал!

И вновь воспоминания стремнина
уносит нас в былые времена.
Советская рождалась Украина...
Который год в сердцах людей она!

Перевел с украинского
Ник. УШАКОВ.

КАК ЭТО БЫЛО

Рассказ делегата 1-го Всеукраинского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов

В. А. БАБКО

Жил я тогда в Сосновке, что под Конотопом, и большевиком был совсем молодым: стаж — восемь месяцев. Но среди хлопцев-железнодорожников ходил уже в забияках. «Так це ж той Василь, що в Донбасси на шахти флаг повесив». «Да, вин сам и е...» Ребята знали мою историю: вместе с двумя товарищами по поручению большевиков в двенадцатом году первого мая вывесил я красный флаг над терриконом Смолянки, за что и угодил в тюрьму. На том, можно сказать, шахтерская моя карьера почти и оборвалась. Из тюрьмы выпустили — в солдаты забрали. На фронте немцы газами отравили. Тогда меня отпустили домой. Я в Конотоп, на родину. Стал помощником машиниста. В большевики записался. В апреле семнадцатого года это было, а в декабре меня, председателя Сосновского комитета РСДРП(б), в Киев на съезды послали. Почему на съезды? Да потому, что два подряд их было: областной съезд РСДРП(б), позже его назвали Всеукраинским совещанием большевиков, а вслед за ним — съезд Советов.

В бывшем царском дворце — там в те дни размещались комитеты всех политических партий — нас собралось 47 большевиков. Работал съезд при закрытых дверях, полулегально: хозяином Киева оставалась Центральная Рада во главе с буржуазными националистами Грушевским, Петлюрой, Винниченко. Сразу после Октябрьской революции Рада издала Универсал[1] — Украина объявлялась «самостийной республикой», отказываясь от всяких связей с Россией.

Первый день работы прошел сравнительно спокойно, а ночью — мы заседали днем и ночью — с улицы послышался тревожный гул. Это гайдамаки оцепили дворец. В зал ворвались петлюровские офицеры. Поднялся невообразимый шум. Петлюровцы орут: «Геть бильшовыцьку банду!»

А мы отвечаем: «Геть витсиля, шкуро!» Дело чуть до драки не доходит. А тем временем Евгения Бош — она тогда стояла во главе областного комитета РСДРП(б) юго-западного края — звонит Грушевскому:

— Где же обещанная вами свобода, господин Грушевский?

— Простите, это — недоразумение. Я свяжусь сейчас с Винниченко...

Караул гайдамаков был снят.

К полудню первое Всеукраинское совещание большевиков благополучно закончило свою работу, а вечером мы перешли из царского дворца в бывшее купеческое собрание. Там уже заседал первый Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Его с нетерпением ждали и большевики и господа грушевские. Мы надеялись, что съезд установит Советскую власть на Украине, а у Рады был свой расчет: если съезд станет большевистским — арестовать его, и делу конец. Но на крайний случай Рада решила согнать в Киев, на съезд, более 2 тысяч представителей так называемых «селянських спилок». «Спилки» — это были кулацкие союзы, создававшиеся в селах резидентами Рады.

Подлинных делегатов на съезд Советов прибыло около 400, а от «селянських спилок», как мошкара, налетело около 2 тысяч. Рада ловко воспользовалась организационной ошибкой Комитета по созыву съезда Советов: он не смог выработать правильных норм представительства от крестьян и не установил связей с отдаленными районами. Мошеннически захватив большинство на съезде, главари Рады стали разглагольствовать о душе украинского крестьянина, истинным выразителем чаяний которого якобы являются «селянськи спилки».

Большевистскую фракцию съезда составляли 120 человек. Мы единодушно утвердили повестку дня. Последним пунктом в ней стояло: выборы первого ЦИКа Советской Украины. Съезд поручили открыть В. П. Затонскому: он являлся делегатом Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов.

И, вот тесно сплоченной группой мы входим в зал. Все места уже заняты. То тут, то там раздаются пьяные выкрики кулаков. Атмосфера накаленная. Мы настороже, готовы к любой провокации. Затонский идет впереди и решительно направляется к столу президиума.

— Товарищи, я...

Больше он ничего не успел сказать. Его тут же схватили какие-то громилы из «селянських спилок» и потащили в сторону. Место за столом занял известный на Киевщине кулак Степаненко. Он объявил заседание съезда открытым, в президиуме появились Грушевский, Петлюра, Винниченко, Порш. Депутатам от рабочих и солдат места не нашлось. Мы, конечно, протестовали, требовали, негодовали, клеймили позором душителей свободы. Но здесь, в зале, мы оставались в «подавляющем» меньшинстве.

Как раз в эти дни Совнарком РСФСР предъявил Раде ультиматум, подписанный В. И. Лениным: не пропускать через Украину на Дон белоказачьи части в помощь Каледину и открыть дорогу туда Красной Гвардии.

Мы тогда еще не знали содержания ультиматума, и потому нам трудно было бороться с бандой националистов, присутствовавших на съезде, выдававших себя за спасителей Украины. А между тем страсти разгорались. Был момент, когда казалось, что нас, большевиков, растерзают тут же, в зале. Тогда Евгения Бош выбежала вперед, поднялась на сцену, расстегнула жакет и, обращаясь к Грушевскому, крикнула:

— Вы предатели Украины, палачи рабочего класса. Стреляйте в меня в первую. Мы презираем вас!

На мгновение зал притих. Но вот уже снова несутся пьяные выкрики.

Так продолжалось три дня. Большевики стойко и мужественно отстаивали свою линию, не страшась угроз. Только на четвертый день все подлинные делегаты покинули зал.

Мы собрались сперва в цирке, а потом перешли в дом профсоюзов, но заседали недолго. Поползли тревожные слухи: если не сегодня, то завтра Рада всех нас арестует. Оставаться в Киеве нельзя. Как быть? И вдруг приходит радостная весть: в Харькове открылся съезд Советов Криворожско-Донецкого бассейна. Сомнений нет: немедленно ехать туда и присоединяться к съезду.

В Харькове, на съезде, значительная группа делегатов склонна была образовать свою Донецко-Криворожскую республику, вне Украины, со своим ЦИКом и Совнаркомом. Киевляне же предлагали объединиться и создать Всеукраинское советское правительство. Долго мы спорили, пока договорились, что нам надо сплотить силы для борьбы с Центральной Радой.

И вот наступил торжественный день 12 декабря (25 декабря по новому стилю), когда 1-й Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов принял решение об установлении Советской власти на Украине и о создании Всеукраинского советского правительства.

Через два дня после закрытия съезда я уехал из Харькова домой, в Конотоп, где уже более тысячи красногвардейцев готовились к бою за власть Советов, против контрреволюционной Рады.

В. Я. Савенков. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ.

[1] Так назывались указы Рады.

Мелехов Г.С.   Щорс у Ленина

М.И. Хмелько   ШАХТЕРСКАЯ СВАДЬБА

Близкая даль

Иван НЕХОДА

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Подмосковная осень

Дымка в рассветной дрожит синеве,
Стайку берез облетающих скрыла.
Клочья тумана маячат в траве,
Как в океане зеленом ветрила.

Вновь проступают грибы сквозь росу,
Боровики притаились под елью...
Ночью туман их посеял в лесу.
Девушки в чащу уходят артелью.

Красная шляпка глядит из травы —
То поутру подосиновик стынет,
Всех умоляя: — Найди и сорви!..
Что ж, за подарок спасибо осине!

Солнечный луч сквозь туманы течет.
Заголубела роса на поляне.
Осень полна урожайных забот,
Сватом зима в Подмосковье заглянет.

Радуга

Я в детстве тут коров кулацких пас,
Все шлепал босиком — и в зной и в стужу.
А в дождь пускал кораблики не раз
По быстрым ручейкам, по сельским лужам.

Кораблики! Я тихо их просил:
— Не затеряйтесь в море-океане!
Еще я в поле радугу ловил.
Смеялись хлопцы:
— Не поймаешь, Ваня!

Растаял детства золотой туман.
Хоть и бывал в селе я не однажды,
Не узнаю своих односельчан,
Да и меня тут узнаёт не каждый.

Иные тут сады и соловьи.
При въезде — юных тополей шеренга.
Где пастушата — сверстники мои!
В боях погибли...

Лишь Василь Зуенко
По имени меня припомнить смог,
А по лицу никак... Облобызались чинно.
Передо мной не прежний паренек —
Рыжебородый пожилой мужчина.

Колхозный плотник и глава семьи,
Он ставит срубы. Двери, окна ладит...
Василий, друг, и все дружки мои,
С кем в пионерском выросли отряде!
Мы вместе начинали путь крутой
И помнить будем до конца об этом!

— Ты все ж поладил с радугою той...—
Василь смеется.— Знаем... Стал поэтом!

Идем селом. Всё — новые дома.
— Твои!
— Мои. В работе — наша сила.
Так строим, чтобы радуга сама
В любую хату запросто входила.

На станции Туманян

На крутой земле армян,
Средь обрывов и расселин,
На станции Туманян
В лад зурне запел баян,
Озаряя день весельем.

Поезд только пять минут
Тут стоит. Как жалко, право...
(В Ереван лежит маршрут.)
Но грузин из Гудаут,
Украинка из Полтавы

Рвутся в круг — не удержать,
Лихо пляшут, приосанясь.
А внизу, острей ножа,
Речка свой заводит танец.

И, как студень весь дрожа,
Синий стелется туманец.

Перед саклями армян
На дворе пасутся тучи.
Не забыть зурну, баян,
И станцию Туманян,
И глаза горянки жгучей.

Взгляд горячий и зурна...
Свистнул поезд.
Мчится поезд.
И застыл я у окна.
Оборвалась, как струна,
Эта песня,
Эта повесть...

Балаклава

Волны в море гуляют высóко,
Пена бешено бьет в парапет.
Солнце смотрит прищуренным оком:
— Мне, мол, дела до этого нет...

Море рвется на скалы с разгона,
Разбивает причалы, челны.
Чайки мечутся в страхе и стонут
Над вершиною гневной волны.

Словно впрямь поднялся́ величаво
Из пучины старик Черномор:
— Хлопцы, эй, погуляем на славу
И погоним барашки в Босфор!

Он орудует, полон веселья,
По-казацки усы распушив.
Гикнет — сразу валы закипели,
Захохочет — прокатится взрыв.

Засвистит — содрогаются горы...
Солнце, друг, выручай поскорей!
Успокой наконец Черномора,
Мир улыбкою щедрой согрей!

Солнце вскинуло огненный посох.
Стихло море.
Исчез Черномор.
На песчаной косе, на откосах
Сохнут сети. Стрекочет мотор.

Я с артелью на сейнере выйду,
Свежей рыбой заполним корму.

Киевляне, отведав ставриду,
Вспомним шторм в Балаклаве, в Крыму.

Дружба

Речек, речушек и рек
Много в моей стороне.
Но полюбилась навек
Волга раздольная мне.

Сколько я видел крутых
Гор, что за тучи ушли!
Все же милее других
Вы, Жигули, Жигули!

Всюду, куда ни ступи,
Ширь — не окинешь ее.
Только в заволжской степи
Сердце осталось мое.

Выйдешь в ночи на обрыв,
Крикнешь — и сразу в ответ
Разина слышишь призыв,
Гром пугачевских побед.

Здесь, где хлеба высоки,
Гнулись ковыль да курай.
Здесь, возле Волги-реки,
Бился за волю Чапай.

Здесь, где плелись бурлаки,
Тяжко с «Дубинушкой» шли,
Нынче запели гудки,
Славя мои Жигули.

Волга! Могучая даль.
Русь, дорогая до слез.
Ив русокосых печаль,
Шум белокорых берез.

Там, где гулял суховей,
Шлюз полноводный открыт.
Свищет в саду соловей,
В травах кузнечик трещит.

...Чудится мне, признаюсь,
Будто стою у Днепра.
Рядом — безбрежная Русь
И Украина-сестра.

Радость бушует во мне:
Всюду в обнимку они,
В дружной советской семье,
Средь неразлучной родни.

Входя в твой дом, Таджикистан...

Таджикистан! Величье гор.
Тут все вершины на подбор,
Сверкают шапки снеговые.
Такой размах,
Такой простор,
Пожалуй, вижу я впервые.

Я весь во власти красоты.
Гиссарский кряж!
Памир под нами!
Стремглав летим через хребты.
Гляжу на горы с высоты.
В долинах — реки с валунами.

Тут — ледники. Там — злой обвал.
Дома под стать орлиным гнездам.
Кто вам, таджики, приказал
Селиться тут, средь голых скал!
Здесь нет полей.
Лишь синий воздух.

Да камни черт нагородил.
Нет, есть поля! Земля, щедра ты.
Здесь из долины носят ил.
Нет у людей орлиных крыл,
Зато сердца у них крылаты.

Летим. Моторов слышен гром.
И тучка, встретясь на дороге,
Пушистым стелется ковром.
Таджикистан, входя в твой дом,
О тот ковер я вытер ноги.

Перевел с украинского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

В КРАЮ ШАХТЕРСКОМ

Г. РАДОВ

Фото Б. Кузьмина.

Донбасс, пожалуй, самый населенный край в государстве. Когда летишь над ним, под крылом самолета сплошное зарево, когда едешь на автомобиле, кажется, нигде не видишь клочка голой степи: города, города, поселки, поселки... Города смыкаются, и только старожил скажет вам, где когда-то кончалась Юзовка и где начиналось Рутченково. Вот так, не выезжая за черту города Сталино, мы и попали в поселок шахты имени старого горняка Е. Т. Абакумова.

— Познакомьтесь с Карпенко,— посоветовал нам начальник шахты.

— Проходчик? Забойщик?

— Начальник участка.

— Лучшего?

— Худшего.

— ?!

— Да, да, худшего... Такая доля у человека: только он выведет участок в передовые, а мы его посылаем на новое трудное дело. Коммунист!

Мы не раз были на участке Артема Ульяновича Карпенко, и об этом, пожалуй, следует рассказать особо. Но вот что зафиксировал фотоаппарат: на фотографии, публикуемой на первой странице этого номера, Артем Карпенко снят с бутчиком Владимиром Пидложевичем после ночной смены — до чего ж приятна первая затяжка после работы под землей!

Семью Карпенко мы застали в тот момент, когда она собиралась ехать в гости. Поедут они на своем «Москвиче», а повезет их сын начальника участка Николай, ученик 10-го класса.

Дом семье Карпенко построило государство. Вы думаете, особенный, так сказать, образцово-показательный дом? Ничего подобного, именно из таких домов и состоит поселок этой рядовой и далеко не лучшей в Донбассе шахты. Прикиньте: только на строительство поселка за одиннадцать лет государство израсходовало около 100 миллионов рублей. Сто миллионов рублей на один поселок — вот так смело, размашисто, щедро страна вознаграждает шахтеров за их тяжкий, полный опасностей труд.

На другой день мы снова спустились в шахту. Оглянулись и увидели в штреке цепочку огоньков. Фотокорреспондент включил импульсную лампу, и вот вы видите снимок: смена идет на работу. В этой же смене мы познакомились с Тарасом Григорьевичем Шевченко. Да, именно с Тарасом Григорьевичем,— отец назвал сына Тарасом в честь великого украинского поэта. Тарас недавно на шахте. Да, собственно, и работает-то он всего четыре года. Парню двадцать лет, а уже успел и поработать в Киеве на машиностроительном заводе, и добровольно уехать в Донбасс, и стать горным мастером.

Вечером вместе с Тарасом мы отправились к его дружку Владимиру Носенко. Это потомственный киевский рабочий. И дед его трудился на заводе, и отец, и сам Владимир Носенко после армии пошел по стопам отца и деда. Но вот началась мобилизация комсомольцев Украины в Донбасс, Носенко бросил родной дом и уехал на шахту. Женился он, киевлянин, на москвичке, и, видимо, в честь этого свадьбу они отпраздновали в день 300-летия со дня воссоединения Украины с Россией. Недавно родилась дочка Лариса.

Молодая семья шахтеров получила двухкомнатную квартиру, собирается покупать автомобиль.

Справа налево: Тарас Шевченко, Владимир Носенко, его жена и дочка.

Товарищи

— Чест праци! — радостно приветствовал своего гостя хозяин.

— Здравствуйте!

И они обнялись.

По-чешски говорил украинец, а по-русски отвечал ему чех...

Семь лет назад шахтер Иван Иванович Бридько, ныне дважды Герой Социалистического Труда, побывал в Чехословакии. Бридько делился со своими чешскими товарищами по профессии горняцким опытом. На одной из шахт Остравского бассейна он познакомился с машинистом врубовой машины Ярославом Миской, и с тех пор между ними завязалась крепкая дружба.

Недавно Ярослав Миска — он теперь начальник шахты — приезжал в гости к горнякам Донбасса и, конечно, побывал на шахте имени Димитрова, где работает Иван Иванович Бридько. Многое произошло за семь лет: накопились знания, в шахты пришла новая техника, новые методы труда. У старых друзей было что рассказать друг другу.

Хорошо живут шахтеры! Но даже и при механизации, которая сделала шахты решительно не похожими на то, что было еще вчера, — даже при ней труд под землей пока еще остается очень тяжелым. Горняки уходят на пенсию в пятьдесят лет, государство не жалеет денег на шахтерские поселки. Здесь, на обыкновенной шахте, открыта больница, которой может позавидовать любой областной город.

Каждый день приходят шахтеры на различные процедуры в физио-терапевтический кабинет этой больницы.

Вечером шахтер отдыхает не в клубе-времянке, а во Дворце культуры, который построен именно в горняцком районе города Сталино. Дворец огромный. Есть тут и спортивный зал, и богатая библиотека, и зрительный зал на тысячу человек.

Когда мы уезжали из Донбасса, у секретаря райкома, Федора Михайловича Филатова, был большой день: он вручал партийные билеты новому пополнению большевистской гвардии Донбасса. На снимке слева вы видите, как Ф. М. Филатов поздравляет молодого коммуниста, забойщика шахты № 31 Михаила Семеновича Дунаевского.

Иван Иванович Бридько (слева) и Ярослав Миска.

Фото С. Гендельмана.

ВОДЫ УКРАИНЫ МЕНЯЮТ СВОЙ ПУТЬ

Все ли знают о том, что для производства каждой тонны аммиака необходимы сотни тысяч литров воды? Все ли знают, какой повышенной «жаждой» отличаются коксохимические заводы, каким баснословными порциями должен ежечасно поглощать воду наш донецкий край? Ведь, кроме сотен мощных предприятий, здесь еще и наибольшая плотность населения.

Между тем природа, в изобилии одарив недра Донбасса, явно поскупилась дать ему вдосталь воды. Многое было сделано за годы пятилеток, чтобы возместить этот недостаток: проложены сотни километров магистральных водопроводов, созданы десятки водохранилищ. Но все же бурный индустриальный рост городов и поселков края, особенно в послевоенное время, обогнал развитие системы его водоснабжения.

И вот, чтобы полностью решить проблему «водного голода» в донецком крае на целые десятилетия вперед, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление о строительстве канала Северный Донец—Донбасс.

О размерах нового гидротехнического сооружения красноречиво говорит следующее: канал длиннее Волго-Донского, Кильского и Панамского каналов и строится в очень неблагоприятных геологических условиях. Если на Канале имени Москвы вода перекачивается на высоту 40 метров, то здесь четыре уникальные насосные станции поднимут поток через возвышенности и овраги на 237-метровую высоту. В комплекс сооружений входят 95 километров открытого русла, 6 плотин, 24 километра напорных стальных трубопроводов, внутри которых можно свободно проехать на «Москвиче», 19 мостов, 700 километров линии связи, 130 километров асфальтобетонной инспекторской дороги, 200 километров линий электропередачи, 8 жилых поселков... Часть пути вода пройдет под землей.

Уже прорезало землю донецкую и на большом протяжении оделось в бетонную броню русло новой искусственной реки. Уже сменили свое извечное направление и тихо плещутся в новом ложе прозрачные воды Донца. Уже перекрыт Оскол недалеко от его впадения в Северный Донец. Скоро вода будет подана промышленным предприятиям и населению Часов Яра, Артемовска, Горловки.

Замечательную победу одержал и другой отряд украинских гидростроителей. Введена в действие первая очередь крупнейшей в республике Ингулецкой обводнительно-оросительной системы. Все глубже и глубже в засушливые степи юга Украины наперекор суховеям несет она живительную днепровскую воду.

Эту воду с нетерпением ждут и жители Николаева. Кому довелось попробовать николаевской солоноватой воды, тот поймет их нетерпение.

Недалеко то время, когда седому Днепру придется поделиться своей водой и с железорудным Криворожьем: уже ведется подготовка к строительству канала Днепр — Кривой Рог. Воды Украины меняют свой путь.

Г. КОНДРАТЕНКО

На магистральном канале Северный Донец — Донбасс.

Фото С. Гендельмана.

МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ

М. ШУЛЬКЕВИЧ,
заместитель главного архитектора Киева

Мне часто приходится сопровождать гостей Киева, знакомя их с его архитектурой. Я показываю им привольно раскинувшийся на огромной территории в 75 тысяч гектаров Киев, третий по количеству населения город советской страны, издавна называемый матерью городов русских. И каждый раз я слышу эпитеты, в которых, думается, нет никакого преувеличения: восхитительный, чудесный...

Нет-нет да кто-нибудь из гостей удивленно спросит: «Неужели все это построено после войны?».

Да, он поднят из пепла, красавец Киев, опоясанный новыми парками, скверами, автомагистралями, украшенный живописными бульварами и ансамблями монументальных зданий.

О киевском Крещатике много писали и рассказывали, красота его запечатлена в ярких фотографиях и кинокадрах, разошедшихся по белу свету. Но пусть читатель взглянет и на фотографию, сделанную в году 1944-м, пусть посмотрит Крещатик таким, каким он был после освобождения Киева, чтобы еще полнее оценить очарование его сегодняшнего облика.

Когда говорят о Ленинграде, сразу же вспоминают Невский. Киев ассоциируется с Крещатиком. Да, мы гордимся широченной — местами до ста метров — центральной магистралью нашего города, мы не налюбуемся ее архитектурой, ее величественными, легкими и изящными зданиями. Но возрожденный Киев — это не только Крещатик. Нет в нашем городе почти ни одной улицы, на которой не поднялись бы в последние годы новые дома: в центре и на рабочих окраинах, на Печерске и на Подоле, на улицах Красноармейской и Карла Маркса, на Куреневке, Сталинке, Соломенке и в Дарнице.

На карте города появились улицы имени Ломоносова и Мицкевича, Юлиуса Фучика и Остапа Вишни. Только в этом году получили названия двести новых улиц нашего города, площадь которого после войны увеличилась на двенадцать процентов. А ведь нельзя забыть: территория сплошных разрушений, учиненных гитлеровцами в Киеве, превышала сорок гектаров, из строя выбыло сорок два процента жилой площади.

Посмотрите на публикуемые фотографии. Они, правда, лишь в малой мере рисуют картину будущего Киева, и нам придется немного пофантазировать, путешествуя по украинской столице. Начнем с центра. На нижнем снимке вы видите площадь Калинина такой, какой она

скоро станет. От прошлого останется лишь полукруглая форма. На склоне между улицами Октябрьской революции и Карла Маркса уже сейчас сооружается двенадцатиэтажная гостиница, от которой вниз, к Крещатику, ведет широкая зеленая терраса. Рядом с гостиницей — здание широкоэкранного кинотеатра и консерватории с огромным концертным залом. Ее строительство завершится в 1958 году.

Архитектор А. И. Заваров у проекта Чоколовки.

Исчезнут маленькие домики и близ памятника В. И. Ленину — тут будут возведены многоэтажные здания.

Однако попрощаемся с Крещатиком и по Красноармейской улице, словно продолжающей его, отправимся в один из наиболее зеленых и живописных районов Киева. Там уже вырос целый городок. Фотокорреспондент снял его с вертолета. Это огромная, постоянно действующая выставка передового опыта в народном хозяйстве УССР, она откроется в будущем году.

А теперь отправимся... Впрочем, нет, никуда мы больше не отправимся, ибо я взял на себя непосильную задачу: мысленно совершить с вами, читатель, путешествие на все будущие новостройки Киева. Ведь тогда надо побывать и во Дворце культуры промкооперации с самым большим на Украине зрительным залом — 2 300 мест; и у моста Патона, где начато сооружение Триумфальной арки с лифтом (снимок внизу); который поднимет вас высоко-высоко — любуйтесь оттуда, товарищи туристы, заднепровскими далями; и на стройке Дворца спорта — 10 тысяч зрителей, ледяной каток площадью 30×60 метров.

Всюду не успеешь побывать. Поэтому мы прервем наше путешествие и заглянем в архитектурные мастерские (снимок слева), где создаются типовые проекты жилых домов. Посмотрите на один из них — это проект застройки Чоколовки, где уже в нынешнем году новоселы получат до двадцати тысяч квадратных метров.

Недавно исполком Киевского горсовета установил объем жилищного строительства в столице Украины на ближайшие двадцать лет: девять миллионов квадратных метров. Представьте Киев таким, каким вы его видите сегодня. Так вот, через двадцать лет вырастут еще два таких Киева.

Фото Н. Козловского и Я. Рюмкина.

ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Недавно в Киеве открыт памятник Вечной славы воинам Советской Армии, погибшим в боях за свободу и независимость Родины.

Владимир СОСЮРА

Здесь, в могиле, солдат
неизвестный,
Павший в грозном, кровавом бою
На полях ратной славы
и чести
За советскую землю свою.
Чтобы солнце вовеки не гасло,
Чтоб рассеяло рабство и тьму,
Совершил он свой подвиг
прекрасный.
Слава, вечная слава ему!

Перевел М. Шехтер.

Снова у Цыбулько

Александр МИХАЛЕВИЧ

Летом полтавчане принимали русских друзей из Орловской области. На снимке: Феодосий Евгеньевич Цыбулько (справа) и председатель колхоза имени Сталина, Орловского района, Иван Игоревич Сударев.

Фото П. Кекало и М. Степового.

Сколько времени я не был в этом полтавском колхозе? Год или год с небольшим? И вот вновь Парасковеевка, колхоз имени Калинина. Взгляд пристально ищет новых примет: как-то идет работа у тридцатитысячника Феодосия Евгеньевича Цыбулько, с которым мы познакомились прошлым летом и о котором уже рассказывали читателям «Огонька»? (№ 38 за 1956 год. «Высокие низы».)

Ничего не хочется пропустить...

Еще на автомобильном шоссе в ларьке колхоза замечаешь рядом со свежими яблоками и яблочным вином ящики с сушеными фруктами; вкус, особенно у груш, необыкновенный! Ни один плод не погиб в этом году на земле: около солидного кирпичного плодохранилища с винным подвалом своевременно были построены дешевые, удобные дымовые сушилки.

Заведующий зверофермой колхоза имени Калинина Андрей Завгородний.

Фото К. Лишко.

И другое дешевое, удобное сооружение: в стороне от животноводческого городка, близ речки,— птичник. Построили быстро, смогли сразу разместить тысяч десять уток. За два месяца на даровых и дешевых кормах вырастает двухкилограммовая утка. Очень выгодно. Будет в новом году выращено не меньше двадцати пяти тысяч уток.

Клетки еще какой-то необычной фермы... «В большом хозяйстве и лисьи хвосты пригодятся». Вначале боялись немного: как будут себя чувствовать чернобурые лисицы, если их завести? Отличное уже есть лисье потомство, животные в теле, шкуры серебрятся...

Жом везут по дороге: колхоз нынче стал свекловодческим. И как же оказались кстати в этом году пятьдесят гектаров сахарной свеклы — культуры, которую раньше здесь не возделывали! Сняли урожай больше трехсот центнеров с гектара — полмиллиона рублей дохода. С кормами из-за климатических неприятностей на Полтавщине в этом году сложная обстановка, и жом — отход сахарного производства — выручает крепко. Еще раз подтверждается, что многоотраслевому хозяйству «стихия» не страшна: с одной стороны грозит удар — другая выручит.

Только предусмотрительность нужна. Такая, например: видит Цыбулько, по условиям осени сад может на будущий год подвести, не дать нужных доходов. А деньги нужны: и клуб в колхозе надо заканчивать, и колхозный отель, и новые животноводческие помещения, и новые кварталы жилых домов. Чем возместить, если сад не даст своей доли дохода?

Уже посеяно с осени пятнадцать гектаров чеснока. Мелочь? Только для тех, кто плохо считает: тысяч восемьдесят дохода может дать чесночный гектар.

А кроме чеснока — мак. Высмеивает Цыбулько старое: «Мак семь лет не родил, и голода не было». Разве от «голода» теперь отталкиваются, из беды исходят? Мак уже для того должен уродить, чтобы дать фармацевтам драгоценный опиум! А какие же коржи без мака? Помните в «Энеиде»: «і з маком медовий шулик». К тому же маковый гектар тоже весьма доходен. Пятьдесят гектаров мака в колхозе — еще полмиллиона рублей!

Считает, ищет, предпринимает новое Цыбулько. С ним заодно все коммунисты, актив, рядовые труженики колхоза.

После первой поездки в Парасковеевку сохранилась у меня в блокноте такая запись:

«...Слушая, присматриваясь к Цыбулько, кто-то заметил, что его можно назвать «советским американцем». Он деловит в своих расчетах, умеет «делать деньги» для колхоза, хорошо экономит трудовые затраты, у него хозяйственный размах... Но в то же время какой он «американец»? Даже может обидеться Федосий Евгеньевич! Не додумались еще американцы до того, как поднимать свои «отстающие» фермы, идут у них разоренные фермеры ко дну тысячами тысяч, и никто, собственно говоря, при их строе, их конкуренции и помочь этому не может, сколько бы ни проводилось там по этому поводу дискуссий и конгрессов вроде недавней конференции «о проблеме неуверенности в сельском хозяйстве США»... Нет, никакой это не «американец» — Цыбулько! Всеми своими делами, помыслами, талантом, характером, размахом, веселостью, жизнелюбием, человечностью это украинец, а еще точнее — украинский коммунист».

Прошел год, и время лишь еще ярче подтвердило это...

...Год для Цыбулько необыкновенно насыщенный и встречами, и поездками, и неожиданными знакомствами, и новыми друзьями, и соперниками в соревновании. И сам был далеко в гостях и многих у себя принимал. И если согласиться с метким определением, что «разнообразие, богатство человеческой личности развертывается только навстречу разнообразию среды; без этого она застаивается и тускнеет», то можно безошибочно сказать: тут пока «застоя и потускнения» не предвидится: такая щедрая, пестрая, разноголосая среда обступает и наступает на полтавского председателя, что только успевай богатеть душой!

На столе в груде председательской почты — здесь и какой-то счет из райпотребсоюза, и директива из института экономики «опорному пункту» (он недавно создан в колхозе), и приглашение посетить воинскую часть, и указание от пожарной инспекции, и инструкции по борьбе с плодожоркой, и запрос из редакции, и сводка МТС, и письмо из Орловской области от агронома, побывавшего недавно с экскурсией на Полтавщине, и прочее и прочее, — в груде председательской почты выделяется маленький цветной конвертик с китайскими иероглифами.

Выпала из разрезанного конверта крохотная фотография китайского юноши — школьника из Шанхая. А когда перевели строки его письма, тронули они всех бесконечно искренним и свежим чувством: «Дорогой Цыбулько-дядя! Привет вам красным галстуком! После встречи с вами у меня до сих пор в сердце радость... Но я слышал, что погода мешала вам вырастить в этом году высокий урожай, и это меня волнует...»

Весточка из Китая — живое напоминание о незабываемых днях, проведенных этим летом Цыбулько в Китае. Он был членом сельскохозяйственной делегации, изучал китайскую сельскохозяйственную выставку, сдружился с десятками и сотнями китайских крестьян, молодых специалистов, детей. И какая-то теплая волна сердечного изумления трудолюбием, упорством китайцев, их организованностью, желанием вопреки всем трудностям следовать примеру Советского Союза, быстро вырваться вперед захватила и не отпускает Цыбулько...

— Чжан за наш урожай волнуется... Как же его, в самом деле, подвести?

...Идут к председателю люди — поводы самые различные, типы разнообразные. Но вот вдруг выделилось смуглое-смуглое лицо, курчавые волосы, черная борода, доверчиво-лукавые глаза.

— Перевариваем Алешу в колхозном котле,— бросает кто-то дружелюбно.

...Колхозный электросварщик Алексей Максимович Казаченко — цыган, ему лет тридцать пять... Ставрополь — Винница — Курск — Воронеж — вот этапы совсем недавних кочевий Алеши. Кочевал вместе с женой, пятью

детьми. «Пока батько Цыбулько в колхоз не позвал». Таких цыганских семей в колхозе семь, им построены или достраиваются дома — первые за всю историю рода.

— Эх, и прощались же они с «вольной» жизнью! — с улыбкой вспоминают в колхозе.— И знаете, почему вспомнить об этом хочется? Тем дороже и интереснее первые радости! Мы-то давно ко всему хорошему привыкли. А у них особенно детишки счастливы были, что и хата будет своя и в школу, как все дети, пойдут! Ведь все-все были неграмотны: и отцы, и матери, и дети. Алеша радуется: «Сын первый вирш выучил, вслух рассказывает...» Суют цыганке дети дневники с первыми отметками, улыбается и вздыхает мать: хоть у детей и ей какой-то грамоте научиться!

...Сколько бы ни было дел у председателя, но все дела в сторону, если дорога привела в колхоз директора Чапаевской МТС Алексея Алексеевича Карпенко. Чапаевские машины, трактористы обслуживают колхоз в Парасковеевке — что может быть важнее постоянного делового контакта в деятельности директора и председателя! Пошли в этом году Цыбулько и Карпенко на один смелый шаг — преобразовали прежние комплексные бригады колхоза и тракторные бригады МТС, обслуживавшие их, в единые комплексно-тракторные бригады. По всем первым данным достигнуто главное: не два, а один теперь хозяин на поле! Стало меньше неувязок, неполадок, порядка больше, труд затрачивается экономнее. Тщательно изучаются сейчас первые результаты работы по-новому.

Но мне кажется, не только по причине этого «делового контакта» как-то потянулись друг к другу, сблизились в работе, даже в мечтах два коммуниста-агронома: седеющий, не раз на войне раненый, умудренный житейским опытом Цыбулько и годящийся Цыбулько в сыновья, но тоже успевший хватить лиха на войне Карпенко.

Что за мечты, что за цели? Всех колхозов в зоне Чапаевской МТС одиннадцать, и все еще есть среди них «медлители». В колхозе имени Сталина получили дохода на гектар земли тысячу с лишним рублей, в Парасковеевке — девятьсот, а в колхозе имени Щорса и трехсот рублей не получили. А весь Полтавский район? Он еще не вышел на такую линию в республике, как тот же Винницкий или Харьковский. Почему? Место Полтавского района в первой шеренге! Вот что не дает покоя Карпенко. Вот какой большой цели должны послужить и опыт Цыбулько, и успехи Дьяконенко — председателя колхоза в селе Заворскло,— и смелые замыслы Игнатова — агронома-тимирязевца, председателя колхоза в Марьевке; вот почему прямо как завороженный ходит сейчас директор МТС вокруг этих людей, ищет и ищет друзей в соревновании, мечтает о поездке в Винницу, упорно подбирает кадры под стать смелой задаче.

...Алексей Алексеевич Карпенко едва успел окончить девять классов школы, когда разразилась война. Дальше учила армия: молодого артиллериста дважды ранило — первый раз на Курской дуге, второй раз — очень тяжело — где-то в Карпатах. После второго ранения шесть месяцев лежал в гипсе и выписался из госпиталя только на восьмом.

Костыль, палка — с таким «оснащением» после войны явился в школу кончать десятый класс. Медленно восстанавливалось здоровье. Затем упорно учился в Полтавском сельскохозяйственном институте. И знания и характер у молодого агронома. Он успел заслужить большую серебряную медаль выставки за высокие урожаи, выращенные в Ново-Сенжарской МТС. И вот год назад был направлен в сильно отстававшую Чапаевскую МТС.

Цепкий к новому, по-молодому верит он в людей. Сколько таких орлят незаметно расправило крылья! Радостно видеть его рядом с Цыбулько, Игнатовым, Дьяконенко...

— Вы говорите, у нас нет еще «единой» цепи участников соревнования? Она будет, обязательно будет и скоро будет! Хотите первый залог? Зябь вспахали во всех колхозах на весь яровой клин — никогда этого здесь не было! Хотите второй залог? Народ жаждет общего успеха, а мы, низовые руководители, не пощадим для этого себя в работе... И вниманием и критикой никого не обойдем! Думаете, Цыбулько обойдем? И ему ни одного промаха не простим. Конкретно: прозевал ранние опоросы свиней. Красней и ты, Феодосий Евгеньевич! И себе никакого греха не простим. А от руководителей повыше крепко потребуем: выводите весь район на гору, чтоб и нам коммунизм хорошо было видать...

...От колхоза Цыбулько рукой подать до Полтавы, города, где новое, деловое на каждом шагу переплетено с красноречивыми памятниками прошлого, с бессмертными духовными ценностями народа. Здесь не забывают Котляревского и Гоголя; в Полтаве жива память о Панасе Мирном; тут, кажется, лицом к лицу остаешься с большой и мужественной жизнью Короленко; здесь по-особому воспринимаешь музыку Лысенко... Да только ли это! Очевидно, лишь человек, сам обрекающий себя на духовную бедность, может «в текучке» не успеть подружиться со многими славными земляками-полтавчанами, жадно смотрящими из прошлого в наши дни...

Иногда мне кажется, что я слышу, сердцем чую мысленные диалоги Цыбулько, для которых время не помеха!

Как, должно быть, люба ему, «запорожского корня» красивому человеку, невянущая «Энеида» — всем веселым своим складом, беспощадной иронией, искрящейся дерзостью... Помнит Цыбулько, как когда-то Шевченко называл «Полтавскую муху» — рукописный сатирический журнал Котляревского — «настоящей пчелой», которая нападает и жалит «пошлость или низость людскую».

И сейчас «жалит»!

Написал когда-то в этих краях Панас Мирный свою «Пропащую силу», — и Ромодан там, в повести, и Пески, и Крутой Яр — все знакомые, близкие полтавские места. А теперь всюду здесь впору писать про «обретенную силу»! Живи в прежние времена Цыбулько, или Дулий — его заместитель,— или Андрющенко — молодой их агроном, косая сажень в плечах,— может быть, тоже не миновать им судьбы яростного Чипки? Задавили бы мерзости, свинство, темнота, зверства старой жизни... А попади Чипка в нашу жизнь,— наверное, добрым бы бригадиром в колхозе был, комплексной бригады. А то и головою. А может быть, разведчиком-бурильщиком где-нибудь под Новыми Сенжарами? Там неуемность нужна. Там великие дела зреют: и нефть и газ открыты. Да где сейчас новые, зрелые силы не жаждут дела? Большого дела — под стать, по росту большому советскому человеку! Ведь вот как успел за год размахнуться Карпенко. Только поспевай заметить новую силу и достоинство в любом человеке, спеши пойти навстречу, проявить уважение бесчисленным разбуженным талантам!

...И о Короленко вспоминает Феодосий Евгеньевич...

Как, в самом деле, интересно, что М. И. Калинин, чьим именем назван их колхоз в Парасковеевке, в 1919 году на митинге, посвященном обороне Тулы от Деникина, вспомнил автора «Слепого музыканта»! Вот что Калинин подмечал, читая «Слепого музыканта»:

«...Проблематично, непрочно это отдельное человеческое счастье... Человек... может быть счастлив только тогда, когда всеми нитями своей души, когда всем телом и всем сердцем спаян он со своим классом, и только тогда его жизнь будет полна и цельна».

— Да, колхоз — это не просто центнеры какой-то продукции, это кузница общего счастья многих людей, коллектива, и как хорошо, когда этот коллектив растет, открытый многим дружеским ветрам, когда способен он приподнять, сделать истинно человеческой жизнь еще хоть одного человека, того же цыгана Алеши, и его семьи, детей...

Бессмертные «Огоньки» Короленко возникают в памяти председателя колхоза...

«...Жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!»

Глянуть бы теперь Короленко на залитую огнями Украину, на сибирские реки глянуть, да еще и на китайские. Иные, иные нынче берега. И заветная цель обжигает, тревожит, притягивает душу долгожданной близостью. Близко уже...

Как же теперь мы должны налегать на весла?!

УЛЫБНУЛИСЬ РАДОСТНО КАРПАТЫ...

Было так.

Десять, двадцать, тридцать лет жила крестьянская семья на воде, мамалыге и луке, экономила на керосине и спичках, чтобы в конце концов исполнить заветную мечту — купить лошадь. И вот настал тот день — хозяин привел с ярмарки гнедую худобу. В доме праздник. Но в бедняцкий дом горе давно протоптало широкую дорогу: вдруг тяжко заболел сынишка, нужно срочно делать операцию. А стоит это три тысячи лей,— где их взять? Ясно: надо продавать лошадь...

Подрос сын, надо бы его учить, но куда денешься: в школах учат на чужом языке.

Словом, худо было жить человеку на Буковине до того, как она вошла в родную украинскую семью.

Вся Советская Украина отмечает сорок лет новой своей жизни. На долю Прикарпатья из этих сорока пришлось только семнадцать. Но как разительны перемены, происшедшие за этот коротенький отрезок!

В споре нового и старого последнее слово всегда остается за новым. Если бы цифрами можно было хлестать, как кнутом, плохо пришлось бы различным писакам из националистических эмигрантских кругов, подвизающимся в листках, подобных мюнхенской газетке «Вільне життя».

Эти националисты оплакивают судьбу Буковины, всего Советского Прикарпатья. Им горестно, что за годы Советской власти в селах одной только Черновицкой области построено тринадцать с половиной тысяч прекрасных, добротных домов, что только в послевоенный период колхозники, механизаторы, сельская интеллигенция приобрели 25 тысяч радиоприемников, 1 298 мотоциклов, 51 тысячу велосипедов, что сейчас трудящихся области обслуживает 5 тысяч медиков; что 110 тысяч учащихся учится в 508 дневных и 114 вечерних школах; что библиотечный фонд в области увеличился по сравнению с 1939 годом в 20 раз...

Прикарпатье переживает пору юности. Впереди — светлый жизненный путь.

Недаром сказал один украинский поэт в стихах, посвященных воссоединению Буковины с матерью Украиной:

— Улыбнулись радостно Карпаты...

М. ОЛЬКО

В школе села Речки, Косовского района, Станиславской области, кончилась первая смена.

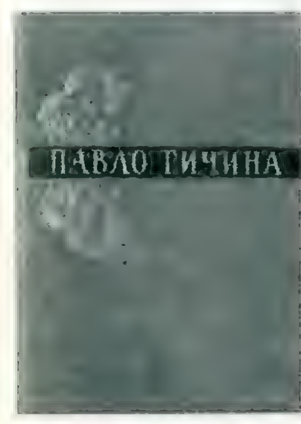
Фото Г. Яременко.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Чувство семьи единой...

Леонид НОВИЧЕНКО

Красные войска освободили Киев от петлюровских банд. В город вступили боевые части Щорса и Боженко, о которых уже катилась громкая слава по Украине. Вскоре после этого в киевской печати появились стихи, которые знает сейчас каждый школьник,— стихи о том, как «на майдане возле церкви революция идет», как в атаке упал с коня боец и, «умирая в чистом поле, всем послал привет». Автором этих стихов — своеобразного поэтического отклика на славную эпопею партизанской борьбы на Украине, породившей доблестные Богунский, Таращанский и другие красные полки,— был молодой тогда Павло Тычина. С этого времени он убежденный певец «красы нового дня», поэт Великой Октябрьской революции.

Тычина писал, гневно укоряя эстетствующих дезертиров и саботажников от искусства:

Спитають вас, до суду поведуть:
ви прославляли лінь, а де ж робота?
Чого замість човна пускали плота,
жахаючись того, що зветься Суть?

Сам Тычина, научившийся в школе революции новому гражданскому мышлению, умел мужественно и проникновенно видеть суть, поэтически постигать главное в событиях своего времени, в движении истории. Об этом хорошо говорили лучшие стихи его сборников «Плуг» (1920) и «Ветер с Украины» (1924), приобретшие широкую популярность в республике и за ее пределами. Когда мы хотим кратко и образно выразить смысл больших явлений нашей жизни, мы нередко обращаемся к названиям последующих книг Тычины, таких, как «Партия ведет!», «Чувство семьи единой», «Побеждать и жить»... Поэт с ярко выраженным тяготением к художественному синтезу, к углубленному лирическому раздумью, он сумел во многих стихах ярко и неповторимо сказать о главном в жизни своего народа.

В самом деле, вспомним хотя бы некоторые из образов и мотивов Тычины, прочно вошедших в сознание уже не одного поколения читателей. Могучий революционный ветер—«не ветер-буря», веющий над землей («Плуг»); рабочий поход из предместий, во главе которого выступают большевики («Псалом железу»); символ радостного обновления страны, могучего возрождения нации, ставшего возможным благодаря Октябрю, — образ «ветра с Украины»; мотивы бодрой переклички заводских гудков на окраинах Харькова с уверенной, по-хорошему «назидательной» концовкой: «Вот здесь твое, Харьков, обличье, здесь твой центр»; гордый образ новой эпохи — образ воздушного флота; и жгучие слова, обращенные прямо в лицо националистическим клеветникам и злопыхателям:

Души моей не подкупить вам
ни триумфальными венками,
ни золотом, ни хлебом, ни орлом.
Стою скалою— непоколебимый.

Это все двадцатые годы... А в тридцатые годы Тычина становится автором всенародно известного стихотворения о Коммунистической партии — «Партия ведет!», рассказывает о новой украинской женщине — Олесе Кулик, ставшей вопреки запретам старой матери трактористкой в МТС; много пишет о дружбе народов, сумев очень по-своему, очень интересно и самобытно выразить то «чувство семьи единой», которое так глубоко вошло в сознание советских людей.

В годы войны наряду с многими патриотическими стихотворениями Тычина создает поэму «Похороны друга», произведение, может быть, до сих пор еще недостаточно оцененное критикой. Новаторская по построению, эта поэма полным голосом говорит о наших жертвах и утратах в годы войны и в то же время патетически прославляет волю к победе, призывая читателя перелить в эту непоколебимую волю все страдания и боли, причиненные врагом. Художественное впечатление от поэмы, тема которой развивается так, словно перед нами виртуозно построенное симфоническое произведение, до сих пор велико.

Активно работает поэт и сегодня, часто выступая в печати с политически острыми, гражданскими стихами.

Читая произведения Тычины, собранные в недавно вышедшем на Украине трехтомнике, как бы наново обозреваешь все большие исторические этапы сорокалетнего пути, пройденного украинским народом в неразрывном братском содружестве со всеми народами Советского Союза. И в этом, возможно, высшая похвала поэту, ибо если его стихи овеяны дыханием эпохи, породившей их,— значит, он был вместе с народом, в его передовых рядах.

Поэзия Тычины — поэзия новаторская; это — искусство смелых, порой неожиданных художественных исканий и решений. Есть среди произведений поэта и вещи спорные, подчас даже неудачные. Но лучшее из того, что создал Тычина, принадлежит к ценным достижениям украинской и всей многонациональной советской поэзии — ведь недаром оно уже давно стало частью биографии многих наших современников. Тому, кто хочет знать, чем живет Советская Украина, какие думы и чувства волнуют ее людей, — стихи Тычины скажут очень много, скажут интересно, оригинально, со всем присущим им ярким национальным своеобразием поэтических красок и мелодий.

Павло Тичина. Вибрані твори в трьох томах. Київ. 1957.

ГИМН ЖИЗНИ

Роман ТЕРЕЩЕНКО

Книга — что человек: у каждой свой путь, своя судьба. Поэтому, как хорошему, светлому человеку, завидуешь иной книге — настолько легко, удивительно просто находит она дорогу к сердцу, так естественно завоевывает она у читателей большую и искреннюю дружбу.

Эту книгу написал Максим Рыльский, один из самых больших поэтов Советской Украины. Шестидесятидвухлетний человек издал книгу, которая поразила нас неиссякаемой силой молодости, той буйной молодости духа, которая одна способна увлечь человека на подвиги.

Обычно внимательный читатель выбирает в сборнике наиболее впечатляющие стихи и по ним оценивает силу поэта. В небольшом же новом томике М. Рыльского все стихи одинаково хороши, и хороши не просто безукоризненностью поэтической техники, богатством красок, а прежде всего своим оптимистическим видением мира; хороши тем, что поэт, как с самым близким другом, делится в них с людьми всем богатством увиденного, познанного и осмысленного за долгую пытливую жизнь.

Поразительна поэтическая чуткость и тонкость, с которой М. Рыльский в самой обыденной, порой даже примелькавшейся обстановке находит неожиданную деталь, которая словно освещает все вокруг новым светом. Тогда его мысль воспринимается как откровение.

Вот короткое стихотворение «Война алой и белой розы»:

Был теплый дождь, в траве стоит вода,
И стрекоза на ветке обсыхает.
Запах острее донник. Из гнезда
Впервые в небо ласточка взмывает.
Подвязывая светлый виноград,
Смеется девушка сама с собою,
И ярко маки алые горят,
Омыты свежей влагой дождевою.
За речкой песня вдалеке слышна,
А у веранды, здесь, на клумбе малой,
Идет в тиши бескровная война,
Все та же: белой розы с розой алой.

Жаждой видеть в мире, в жизни прекрасное, открыто делиться им с людьми и полна книга. Говорит ли поэт о первом весеннем громе или о родном языке, о Сикстинской мадонне или об Иване Франко, о простом леснике или о славном Ленинграде,— всюду он несет в своем сердце неиссякаемую любовь к людям. И даже когда поэт вдруг мимолетно вспоминает о неумолимом времени, кладущем на все свою печать, он и здесь видит «весну, в тумане спрятанную осеннем».

Жить ради весны, творчества, ради самой жизни — что может быть прекраснее?! Этой мыслью дышит каждая строфа новой книги М. Рыльского. И когда читаешь строки из стихотворения «Розы и виноград», которое дало заглавие всему сборнику:

Мы любим музыку, что за сердце взяла,
И творчество в труде, что стало повсеместным.
У счастья нашего есть равных два крыла:
Цвет роз и виноград, прекрасное с полезным,—

невольно снова возвращаешься к мысли о том, что иной книге можно искренне, тепло позавидовать, как человеку. Да ничего в этом и странного-то нет: ведь в новом томике стихов М. Рыльского за каждым напечатанным словом стоит такая большая, «не высказанная», но ясно ощутимая емкая мысль ее автора, что каждое его слово становится действительно живым.

Максим Рильський. Троянди й виноград. Вид. «Радянський письменник». Київ. 1957. 74 стор.
Максим Рыльский. Розы и виноград. Стихи. Изд-во «Советский писатель». 1957. 107 стр.

Братская перекличка

Петрусь БРОВКА

Издательство «Радянський письменник» в Киеве выпустило сборник стихов Миколы Бажана, посвященных великому поэту Польши. Книга маленькая: всего восемь стихотворений, но в них с большой поэтической силой и любовью раскрывается облик гения польского народа.

Вопреки многим биографиям поэта, толкующим одесский период жизни Адама Мицкевича как период веселый, беззаботный, а стихи того времени преимущественно как любовную лирику, Микола Бажан раскрывает революционный смысл деятельности поэта в Одессе. Связь польского национально-освободительного движения с Южным обществом декабристов привлекла поэта в то время на юг России. В песне «про три ножі» убедительно говорится о дружбе Адама Мицкевича с декабристами:

І він згадав цю ніч,—
Притулок дружній над Невою,
І пунш, злетілий тінню голубою,
І теплі риси чотирьох облич.
Він пригадав цю ніч братерства
І надії,
Рилєєва натхнений тост
І братні постаті, що спільно встали впрост
На честь Польщі і на хвалу Росії.

Декабристами — друзьями поэта и была подготовлена поездка Мицкевича в Одессу.

М. Бажан яркими красками, правдиво рисует образ польского поэта-революционера. Многие недальновидные исследователи приписывали Мицкевичу в те беззаботные, по их мнению, дни любовные увлечения Каролиной Собанской. Микола Бажан убедительно показывает в своих стихах, что Адам Мицкевич искал в Каролине Собанской не утешения своим чувствам. Собанская была любовницей царского шпиона генерала де Витта. Хорошо об этом сказано в стихотворении «Мазурка», где Каролина Собанская оценивается по-настоящему:

Стос ретельно списаних паперів
Сповнив скриньку потайну бюро.
Затаївшись перед цілим світом,
Знов і знов бере вона цей стос
І сідає правити донос,
Для царя зготований де-Віттом...

Украинский поэт передает всю страсть революционной души поэта, которого ни на минуту не покидала дума о Родине, о борьбе во имя свободы своего народа. Недаром в тот период в стихотворении «Пловец» Мицкевич писал:

Нет, лучше с бурей силы мерить,
Последний миг борьбе отдать,
Чем выбраться на тихий берег
И раны горестно считать.

Последние думы Мицкевича о Родине, о предстоящей борьбе встают перед читателем в проникновенных стихотворениях «Над морем», «Буря», «Симфония». Заканчивается эта небольшая, написанная глубоко и взволнованно, книжка Миколы Бажана стихотворением о большой дружбе двух великих гениев эпохи, Пушкина и Мицкевича:

Нехай крізь ці таврійські доли
По цих жовтавих берегах
Міцкевич з Пушкіним ніколи
У парі не вертали шлях,
Але уже не розлучити
Ні їх слідів, ні їх доріг
У дім прийдешнього, розкритий
Рукою вічності для них.

«Мицкевич в Одессе» — небольшая, но весомая книга поэта Миколы Бажана.

Микола Бажан. Міцкевич в Одесі. 1825 рік. Цикл поезій. Вид. «Радянський письменник». Київ. 1957. 51 стор.

На Крещатике.

Фото Н. Грановского.

Вид на Подол.

«Огонек».

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ УКРАИНЫ

Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.

Слева направо (сидят): Б. А. Руденко — солистка Государственного Академического театра оперы и балета УССР имени Т. Шевченко; Ф. И. Дубковецкий — Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Здобуток Жовтня», Киевской области; С. Д. Вишта — дважды Герой Социалистического Труда, звеньевая колхоза «Радянська Украина», Киевской области; А. А. Шовкуненко — народный художник СССР; Е. С. Хобта — Герой Социалистического Труда, звеньевая колхоза имени Франко, Киевской области; В. М. Иванов — заслуженный деятель науки, терапевт, К. Ф. Данькевич — композитор, народный артист СССР; М. Ф. Рыльский — поэт; Л. Н. Ревуцкий — композитор, народный артист СССР.

Стоят: Б. Е. Патон — лауреат Ленинской премии, директор Института электросварки имени Е. О. Патона Академии наук УССР; П. Г. Тычина — поэт; М. Ф. Романов — народный артист СССР; А. Е. Корнейчук — драматург; С. В. Гавриленко — преподавательница Малинской средней школы в Житомирской области заслуженная учительница школы УССР; Г. Е. Буркацкая — Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени Хрущева, Черкасской области; П. И. Власенко — Герой Социалистического Труда, секретарь Чистяковского горкома КП Украины Сталинской области; П. Н. Ангелина — Герой Социалистического Труда, бригадир тракторной бригады Старо-Бешевской МТС Сталинской области; И. А. Иванов — старший машинист депо Попасная, Донецкой железной дороги; Е. А. Долинюк — Герой Социалистического Труда, звеньевая колхоза имени Сталина, Тернопольской области; В. К. Семинский — токарь киевского завода «Красный экскаватор»; Н. Я. Мамай — Герой Социалистического Труда, бригадир забойщиков шахты № 2 «Северная» треста «Краснодонуголь».

Опера «Милана» композитора Г. Майбороды — новая постановка Государственного Академического театра оперы и балета УССР имени Т. Шевченко. Сцена из 2-го действия

Дорогие друзья

Платон ВОРОНЬКО

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Балканы

Я свою любовь, Балканы,
Вам принес, могучим,
Вам, вершины-великаны
Над рекой гремучей,
Вам, пути по крутоярам,
По обрывам жарким,
Вам, отважные болгары,
Нежные болгарки!

Вам принес я с Украины
Сердце партизана
На лесистые вершины,
Где пылала рана
Христо Ботева.

Иванко —
Друг-однополчанин —
О балканцах, о балканках
Целыми ночами
Мог рассказывать.
Играли
Красным жаром тучи...
Мы с Иванко воевали
На карпатских кручах.
Братьями родными жили
Мы, как наши деды,
Нас навек соединили
Беды и победы.

Плотина водохранилища

Плотина высится передо мною.
Упорство в ней,
В ней мужество какое!
Какая мощь нужна, какая сила,
Чтоб воды между гор остановила!

Снега на Ви́тоше, снега на Ри́ле
Рекою стали, грозно забурлили.
Как бы войска, в ущелье всей стремниной
Обрушились,
Но сдержаны плотиной.
Ее воздвиг трудящийся народ.
И перемирие меж грозных вод.
Все изменилось,
Наступают сроки,—
Начнут трудиться громкие потоки,
В турбинах запоют
И свет дадут.
Прекрасен будет, величав их труд.
Не так ли армии солдат вчерашних
Поля сражений превращают в пашни,
Лишь остановит юный мир войну,
Как прочная плотина быстрину.

«Заповит»

Димитру Методиеву — переводчику Тараса Шевченко — с любовью посвящаю.

Какая чудесная нынче погода!
Поедем, Димитр, по лесам, по горам,
Расскажешь ты мне о гайдуцких походах,
Покажешь гайдуцкие лагери там.

Напомнишь мне Христо пути и где Вела,
Где смерть свою мстящая Вела нашла.
Расскажешь, как сталь запорожцев блестела,
Как в Варне султана войска размела.

Покажешь мне Шипку, где деды-солдаты
Сражались, где слава героев звенит.
Мы мчимся, и в нашей машине крылатой
Весенним ручьем разлился «Заповит»!

Язык украинский вливался в болгарский,
Тарасовы строки свободно текли,
И дух закаляли могучий, бунтарский,
И дружбой и братством народов цвели.

Напев пролетал по Родопам-титанам,
Над розами вился бескрайних долин.
Великий Шевченко ходил по Балканам,
И каждый ему улыбался, как сын.

Нежные имена

Милица, Радонька, Блага —
Есть ли нежней имена!
Их освятила отвага,
В песни ввела старина.

В страшную старую пору
Те имена рождены
Там, где лесистые горы —
В тайных дорогах войны.

Вражью встречая засаду
Ночью в чащобе лесной,
Звал на совет свою Раду
Воин, вступающий в бой:

«Радость моя, посоветуй,
Рада, скажи мне, прошу —
Может, мне дать пистолету
Слово, а может, ножу!»

Рада в лесу не бывала,
Но помогала всегда.
По лесу эхо гупяло,
В небе сияла звезда.

Хлопец в турецкой неволе
Думал о милой другой:
«Мне помоги в моей доле,
Милица, раны обмой».

Милица лишь в сновиденье
Тихо склонялась над ним,—
Будто дарила терпенье
Ласковым взглядом своим.

Близкую гибель почуя,
Стиснув под сердцем свинец,
Благу просил дорогую
Старый гайдук-удалец:

«Блага, взгляни, погибаю,
Блага, мне больше не встать.
Блага моя всеблагая,
Деткам дари благодать!»

Нежное имя в походе
Знаменем смелых цвело,
Нежное имя к свободе
Юных и старых вело.

Милица, Благонька, Рада —
Есть ли нежней имена!
Все они сердцу отрада,
Всем моя память верна.

* * *

А. Босеву

Если сделают плуг,—
Значит, поле распашут и луг.

Если выстроят дом,—
Значит, люди поселятся в нем.

Если в вешнем цветенье сады,—
Значит, к осени будут плоды.

Если дружба пришла,—
Значит, в мире прибудет тепла.

Памятник партизану

Из белых глыб высокий пьедестал.
На пьедестале партизан стоит,
И, кажется, он крылья распластал,
На соколиных улетел в зенит
И там парит.
Предатели теснили,
В бою осколки сыпались кругом...

Вот он стоит во всей красе и силе.
Страна его не сломлена врагом.

В сердцах людей,
В их памяти живой
Стоит он, неизменный часовой,
На страже славы
И страны свободной —
Болгарии — республики народной.

* * *

Мелколесье, луговые травы...
Спит Дунай, как будто не течет.
На платки над тихою отавой
Утро льется жарко, горячо.

И во всем спокойствие такое,
Так здесь славно
В знойной тишине,
Что в чехле зенитка над травою
Показалась мирным дубом мне.

Книги

Все ко мне приходят книги
Из Софии от друзей.
В них унылый звон мотыги,
В них печаль минувших дней.

В них гайдуцкой меткой пули
Над Балканами попет,—
Это муки всколыхнули
Гнев народный, он растет.

В них благоевских традиций —
Тырновской печатни свет,
В них борьба за волю длится,
Длится битва сотни лет.

Кровью юности горячей
В них обагрены века.
В них мадарский всадник скачет
Сквозь столетья на врага.

Первый ряд бойцов редеет,
В бой выходит свежий ряд.
Красные знамена реют,
О булат стучит булат.

Открываю книгу друга,
Коммуниста. В ней о том
Я прочту, что мирным Маем,
Сентябрем и Октябрем
Озарен ваш путь, болгары;
Пусть он в светлый век пройдет,
Пусть мадарский всадник старый
Скачку долгую прервет.

Перевел с украинского
Ник. УШАКОВ.

СЕМИСОТЛЕТНИЙ ЛЬВОВ

Ник. КРУЖКОВ

Более семисот лет стоит на западноукраинской земле город Львов. Князь Волынский и Галицкий Даниил Романович заложил здесь грозную крепость на высоких холмах у реки Полтвы и назвал ее именем своего сына Льва. Предназначалась она для отпора татарской орде, двигавшейся после взятия и разгрома Киева на запад.

История города этого писана кровью, и кровью человеческой стократно омыты его камни. Кто только не был под его стенами! Кто только не звенел саблями, ища добычи и славы, кто только не зарился на его богатства, кто только здесь не разбойничал, не душегубствовал, не убивал! Диву даешься упорству человека и силе его труда: как Львов устоял, выжил, вытерпел! Как сохранил, бережно сберег славный здешний народ свой язык, свои обычаи, свою нацию, не поддался ни татарам, ни туркам, ни польским шляхтичам, ни цесарским насильникам, ни другим загарбникам и злодеям, «имена их ты веси, господи»...

Несколько столетий прожил Львов под иноземной пятой — всяк норовил сделать Львов своим, терзал народ, утеснял его, ломал его душу, крестил то в одну, то в другую веру. Монахи черной тучей обложили город — и иезуиты, и францисканцы, и доминиканцы, и бернардинцы,— и все они — «ad majorem gloriam Dei»—«к вящей славе божией»!— старались утвердить свое влияние, сокрушить упорство этого «еретического» народа, овладеть его сердцем и поставить на колени. Но сердце народа оставалось стойким и непреклонным.

Верил он, твердо и истово верил, что придет час его вызволения, что оттуда, из-за рубежа, с востока, где живут его кровные братья, придет свет, придет помощь и свобода. И вера эта поддерживала силы народа, закаляла неукротимый дух в жестокой борьбе с врагами и насильниками. А пока что злой мачехой оборачивалась для народа родная земля. Горечью пропитаны произведения западноукраинских писателей. Маленький Мирон у Ивана Франка не отличает школу от тюрьмы. Лесь Мартович называет родную Галичину «страной, для своих же жителей враждебной».

Да и как иначе! В 1848 году австрийский генерал Гаммерштейн артиллерией громил Львов за неподчинение его цесарскому величеству. В 1902 году австрийские войска на Стрелецкой площади залпами стреляли в рабочих. В 1906 году на площади у памятника Адаму Мицкевичу австрийская конная полиция саблями рубила демонстрантов. В 1914 году, перед занятием русскими войсками Львова, австрийцы повесили и расстреляли в Галиции около шестидесяти тысяч человек. В «Брыгидках» — львовской тюрьме — стояло несколько виселиц, которые, как сообщают очевидцы, «ежедневно скрипели под тяжестью повешенных людей». Польские паны, захватившие Львов и Западную Украину, своей жестокостью затмили австрийских жандармов. Страна была переименована в Малую Польшу. Лозунг «Меньше школ, больше полиции» лежал в основе шляхетской культуртрегерской деятельности. Украинские селяне силой изгонялись со своих земель, на их место поселялись «осадники» — польские кулаки. Украинец имел право продать землю, купить же ее не мог. Всякого, кто сопротивлялся, ждала виселица или Картуз-Береза — знаменитый польский лагерь смерти. Недаром революционные лозунги: «Берись, хлопе, за розум!», «До зброї, селяне!», «Підемо бити панів!», «Геть панську Польщу!» — находили горячий отзвук в сердце народа...

В 1939 году солнце взошло над Западной Украиной — брат пришел на помощь брату. Никогда старый Львов не переживал столь общего всенародного торжества. Сбылась многовековая мечта: единой стала Украина!

Но страдания и горе еще не сгинули, беда ушла, но ненадолго: менее чем через два года гитлеровские полчища вторглись в СССР. Снова черные тучи злобного иноземного нашествия затмили небо Галичины.

Все приказы и распоряжения немецко-фашистской власти в Галицийском дистрикте, как тогда официально именовалась Западная Украина, кончались словами: «За нарушение — смерть». На улицах города запестрели немецкие названия. Официальным языком был объявлен немецкий. Подчистую грабили оккупанты город. Уже в октябре 1941 года в своем анонимном письме в адрес губернатора жители Львова писали: «Мы и наши дети голодны, мы грязны, нечем мыться, мыла нет, люди ходят как тени, народ гибнет!» В институте Беринга гитлеровцы на широкую ногу ставили опыты на людях, искусственно заражая их всеми видами тифов и чумой. Голод, нищета, ужас воцарились во Львове и на Львовщине...

Но народ не сдавался. В глухом подполье родилась боевая партизанская организация — «Народная гвардия имени Ивана Франка». Темными зимними ночами гремели выстрелы. Как бешеных собак, застрелили партизаны вице-губернатора дистрикта Бауера, его секретаря Шнайдера и подполковника Ганса Петерса. Перед тенями великого Богдана, Богуна и Наливайки клялись партизаны не складывать оружия до тех пор, пока хоть один гитлеровский солдат топчет украинскую землю. «До зброї, діти батьківщини! Мати-Україна кличе нас на бій!»

Но настал час освобождения и для растерзанной, растоптанной Западной Украины — 27 июня 1944 года войска 1-го Украинского фронта взяли Львов. Танкист Александр Марченко, доблестный герой, водрузил красный флаг над зданием львовской ратуши и пал смертью храбрых. Ушла, пропала и сгинула фашистская хмара. Казалось, что и вовек ее не было — только кровь еще теплилась на древних камнях Львова и горе людское бродило по улицам, горе людей, потерявших родных и близких, жилье и достояние — все, что дорого человеку. Но живуча жизнь и сильны ее ростки, всегда рвущиеся к теплу и свету...

Посмотрите сейчас на Львов с той горы, где когда-то Даниил Галицкий построил свою грозную фортецию, где бился Богдан Хмельницкий, где похоронен его верный сподвижник полковник Максим Кривонос, — с горы, которая и сейчас именуется Высоким Замком, и вы увидите перед собой город благородной красоты — шумный, светлый, радостный и веселый, полный людских толп; вы увидите зеленые массивы многочисленных садов и бульваров, узкие поэтические улицы, сложившиеся в давние времена, шпили древних храмов и старинных башен, увидите и старое и новое: трубы больших заводов, возникших на окраинах города за то время, как Львов стал советским; новые дома и поселки, растущие во все стороны,— древний Львов обрел свежие силы, сохранив в себе прежние черты. 250 тысяч жителей было во Львове в 1939 году, более 500 тысяч живет теперь.

Но хоть и велика гора Высокий Замок, а город с ее вершины в подробностях не осмотришь. Пойдемте же на его улицы, туда, где кипит жизнь. Львов полон неповторимого своеобразия, его ни с каким другим городом не смешаешь и, раз увидев, никогда не забудешь. Здесь все дышит прелестной стариной, близкой сердцу славянина; она отражена в архитектуре зданий, в своеобычных очертаниях многочисленных храмов — православных и католических, в седых городских башнях, покрытых мохом. Здесь, в этом городе, жил и умер славный первопечатник Иван Федоров — «друкарь книг пред тым невиданных». Здесь, вблизи ратуши, где теперь городской Совет, мы увидим дом, в котором в 1707 году жил Петр во время войны со шведами (и сюда, на Галичину, приходили солдаты неистового Карла XII). И уж, конечно, заглянете во двор исторического музея, где увидите очаровательную галерею в стиле Ренессанса и высокохудожественную резьбу по камню. И остановитесь перед старинным Юрским собором — здесь, на площади, стояли таборы Богдана Хмельницкого; здесь в 1921 году при содействии церковных сторожей в подвалах юрских корпусов проходил нелегальный съезд коммунистической партии Западной Украины. И не минуете вы Лычаковского кладбища, где похоронены доблестные и благородные сыны народа — «великий Каменяр» Иван Франко, Мария Конопницкая, поэт Маркиян Шашкевич, члены подпольной народной гвардии Вовк, Березин и Путька, Ярослав Галан — боевой журналист и писатель...

А неподалеку отсюда, за Лычаковским парком, увидите вы Холм Славы, где похоронены тридцать Героев Советского Союза и среди них танкист Александр Марченко, поднявший флаг победы над львовской ратушей. И здесь же увидите вы братскую могилу русских солдат, павших в боях за Львов в 1914—1915 годах,— и их почтила Родина вечной памятью.

Одна черта современного Львова резко бросается в глаза приезжему человеку — в городе множество учащейся молодежи. Да это и не удивительно: в высших и специальных учебных заведениях города в настоящее время обучается 52 тысячи студентов, каждый из десяти жителей — студент. В городе раньше было 4 высших учебных заведения, а теперь 12, и, кроме того, еще 32 техникума.

Самое крупное высшее учебное заведение Львова — университет имени Франко. Через четыре года он отпразднует свое 300-летие. Возник он хитроумным попече-

нием ордена иезуитов и был в начале своего существования рассадником поповщины. Путь его развития труден и тяжел. Преподавали там то на латинском, то на немецком, то на польском языках, но на украинском языке стали преподавать только по установлении Советской власти. Носил он имя австрийского императора Франца I, польского короля Яна Казимира, но имя великого Каменяра получил только при Советской власти.

В университете имени польского короля украинцы учиться не могли: на юридический и медицинский факультеты их не пускали вовсе, на остальные — попадали немногие «счастливчики». В настоящее время из 4500 студентов — 3200 украинцев.

Учились в университете имени польского короля дети шляхты, богатых купцов и чиновников, народу во львовский храм науки доступ был закрыт. Теперь все изменилось в университете. Из 685 человек, принятых на первый курс в нынешнем году, 600 рабочих, колхозников, служащих и их детей.

Примерно такую же картину мы видим и во Львовском политехническом институте, где готовятся инженеры 29 специальностей, и в сельскохозяйственном институте с его 6 факультетами, и в медицинском институте, и в консерватории. Учится теперь сам народ — добрый народ, создавший и созидающий все материальные и культурные ценности края, учится для того, чтобы строить жизнь новую, хорошую, светлую. Родной матерью стала для народа его земля, а город Львов — ранее чужой и надменный — стал теперь своим, открыл свои богатства и красоты селянину и рабочему, тем, кого раньше презрительно именовали «быдлом».

Украинская речь звучит на улицах города, на украинском языке в большом изобилии издаются книги, журналы и газеты, на родном украинском языке слушает зритель спектакли львовских театров, ранее вовсе недоступных простому человеку, знакомится с украинской, русской и мировой театральной культурой. Есть в городе и русский театр — он тоже всегда полон, братское слово понятно и доступно украинцам — из одного мы вышли гнезда, из одного славянского лона.

Был раньше Львов городом господ и чиновников, и на их потребу трудились тут ремесленники, кустари, рабочие малых предприятий — больших здесь не заводили: пролетариат был опасным соседом для господ. В 1935 году 17 процентов всех действовавших тогда предприятий составляли ювелирные и часовые мастерские. Был небольшой завод электроламп «Поллюкс» («Польский свет») — хозяева его скупали старые лампы и чинили их,— да и тот продали немецкой фирме «Тунксрам». Когда гитлеровцев вышвырнули из Львова, на месте завода был пустырь и свалка. Пришлось Советской власти пришивать шубу к пуговице — вместо прежнего «Поллюкса», расширившись во все стороны, лег большой электроламповый завод — шесть корпусов. За 10 лет — с 1946 по 1956 год — выпуск продукции вырос в 55 раз и составил 220 тысяч электроламп в сутки. Возникли такие мощные предприятия, как завод автопогрузчиков,— они сейчас известны всему миру и пользуются хорошей славой, — как автобусный завод (кто не знает комфортабельных красивых автобусов с маркой «ЛЬВІВ»!), как завод сельскохозяйственного машиностроения, завод «Металл», завод телеграфной аппаратуры и многие, многие другие. В 1946 году в городе было 19 тысяч рабочих, в 1957 году — 100 тысяч, из 5 жителей — один рабочий. Два миллиарда рублей вложено после войны в индустриализацию Львова Советским государством.

И вот новое вплелось в старое — древний Львов и похож на прежний и не похож. Как бы живительная кровь влилась в его жилы: он расправил свои плечи, зажил кипуче и бодро, глядит на свет молодо, с блеском в глазах — вот, мол, смотрите, каков я, хоть мне и более семисот лет.

Древний Львов — город легенд. И одна из них очень запомнилась мне своей поэтичностью. У городского Совета стоят каменные львы — старинная символика. Говорят, что в часы грозных испытаний, когда беда и горе врываются на городские улицы, когда неистовствует враг, а души людей наполняются обидой и гневом, львы сходят с постаментов. Они бегут по городу, своим могучим ревом будят граждан, зовут их к борьбе. Но услышать их призывный рев можно только сердцем, ухо человеческое бессильно постичь его.

Спокойно спите, каменные львы. Ничто теперь не угрожает вашему городу. Он растет и крепнет, мужает и хорошеет, цветет и радуется. Народ его обережет и сохранит — свободный народ советской Украины.

Студенты Львовского университета (слева направо): Леонила Сендецкая, дочь учителя; Ирина Романишин, из рабочей семьи; Василий Вихоть, из семьи колхозника; Вера Коминар, дочь колхозника, аспирант; Мирон Кит, сын колхозника; Александра Захаркив, из рабочих; Евстафий Парасюк, из колхозников, закончил в 1957 году механико-математический факультет; Оксана Годованская, из рабочей семьи; Иван Запотичный, сын колхозника.

Фото Д. Мулярчука.

КОРАБЛИ УХОДЯТ В МОРЕ...

Если вы встретите в далеком плавании мощные танкеры с названиями городов Советского Союза: «Грозный», «Очаков», «Белгород», «Херсон»,— знайте, что эти суда строили украинские кораблестроители на стапелях Херсонского завода. Правда, однажды херсонцы изменили своей традиции и назвали новое судно не именем города: это был танкер «Московский фестиваль».

Стапели Херсонского судостроительного завода подобны огромному конвейеру. С одной позиции танкер на специальных тележках передвигается на другую, а тем временем на первой позиции уже закладывают кормовую часть нового судна.

Взгляните на фотографию. Она сделана в те дни, когда строились танкеры «Винница» и «Житомир». Корабль своим корпусом достигает высоты семиэтажного дома, однако в такой громадине вы не найдете ни одной заклепки, и если вытянуть в одну линию все электросварные швы, соединяющие в одно целое все секции и все листы, то эта линия протянется на 70 километров.

Херсонский судостроительный завод, детище советских пятилеток, справедливо называют заводом юных. Здесь главным образом работает молодежь.

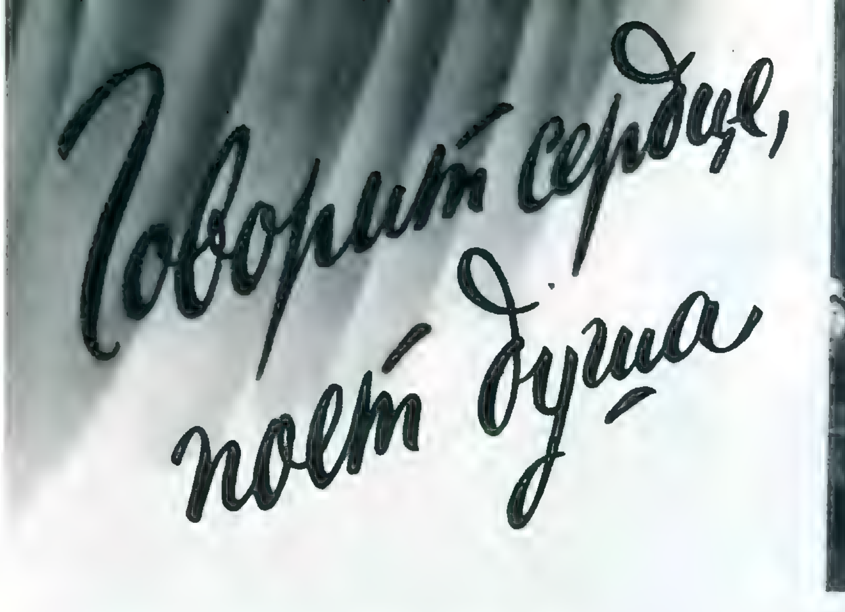
Нового человека многое поразит на этом заводе: и мощные гидравлические прессы, с помощью которых гнут стальные листы; станки, одновременно сваривающие и собирающие детали, и электромагнитный стенд, который сам, без помощи рабочих, соединяет стыки стальных листов, — и сварочному автомату остается только пройти и сварить их. Аппарат с фотоэлектронным глазом по чертежу, вычерченному в масштабе 1 : 10, производит газовую резку деталей на листе.

Нет в республике ни одной отрасли промышленности, которая не принимала бы участия в сооружении корабля. Да это и понятно. Современный корабль является зеркалом технического уровня не только завода, строившего его, но и всего государства.

Н. НАУМОВ

Корабль на стапелях. →
Фото Н. Табаровского.

Говорит сердце, поет душа

В. ВЛАДКО

Фото А. Батанова, Н. Козловского, О. Кнорринга, Б. Кузьмина.

После первого спектакля «Милана» на сцене ГАБТа.

Уже давным-давно, в далекие дореволюционные годы, украинский театр (или, как ему приходилось называться в царской России, «малороссийский театр») завоевывал неизменные симпатии самых разнообразных зрителей. В Москве и Перми, Воронеже и Нижнем Новгороде — всюду, куда забрасывала судьба кочующие украинские труппы,— публика охотно посещала их спектакли, в которых пела свои печальные песни Наталка-Полтавка, горевал Гриць, горько шутил Шельменко-денщик.

Зрителей привлекала душевность спектаклей, их чарующая музыкальность, искренность чувств хороших, простых людей, у которых сердечная украинская песня возникала тогда, когда не хватало слов обычной речи, а танец стихийно выражал бурную радость и веселье.

— Сердца у них, души много! — говорили зрители.

Эта сердечность, эта душевность были проявлениями народности театра. Издавна украинскому театральному искусству присуща одна своеобразная особенность: в нем органически сочетаются элементы драмы, музыки, песни и танца — все то, что любит и ценит народ. И если говорить о национальных формах в театральном искусстве, то, пожалуй, эта характерная особенность является одной из самых ярких и выразительных черт украинского национального театра.

Вот уже сорок лет, как существует большое украинское советское театральное искусство, воспитана целая плеяда великолепных артистов, созданы десятки и сотни блестящих постановок. Но музыка, но песня все так же звучат со сцены украинского драматического театра, дополняя и развивая слово.

Говорят, что в этом сказывается музыкальная душа украинского народа. Недаром так славится во всем мире украинская народная песня, задушевная и нежно-мелодическая. И когда эта песня звучит на сцене или за сценой, она придает постановке то неуловимое тонкое очарование, которое существовало всегда, даже на маленькой, тесной сценической площадке театра дореволюционных времен.

Огромный, необозримый путь прошел с тех пор украинский театр! На десятках больших и малых сцен он знакомил и знакомит широчайшие круги зрителей с лучшими образцами советской и классической мировой и русской драматургии. Шекспир и Лопе де Вега, Мольер и Островский, Гоголь и Франко, Погодин и Корнейчук... Да разве можно перечислить хотя бы малую часть того драматургического богатства, которое стало близким, своим для сотен тысяч зрителей, познакомившихся с ним на сцене украинских театров?

Здесь нет возможности не только рассказать, но и просто упомянуть множество новых постановок украинских театров, осуществленных в дни празднования 40-летия Октября и 40-летия Украинской советской республики. Важно заметить одно: украинский советский театр, продолжая лучшие традиции народного украинского искусства, в то же время органически воспринимает замечательный опыт великого русского театра. Лучшие произведения русской и мировой драматургии получили достойное воплощение на украинской сцене с ее прекрасными, известными всей стране мастерами. Немало драматургических произведений украинских авторов ставится в русских театрах. Этот радостный процесс взаимных влияний и взаимного обогащения продолжается и будет продолжаться.

Многонациональные зрители Советского Союза с особенной теплой симпатией относятся к украинскому искусству, задушевному и музыкальному, в котором говорит сердце и поет душа.

А ведь это для искусства самое главное!

* * *

Москва приветствует представителей украинского театрального искусства. На сцене Большого театра Союза ССР — Киевский Государственный академический театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко показывает спектакль, поставленный к 40-летию Октября: оперу «Милана» Г. Майбороды.

— Я хотел, чтобы мое произведение оказалось хотя бы отчасти достойным той великой цели, за которую лучшие сыны народа отдавали свою жизнь, — воссоединения украинских земель, — говорит о «Милане» Майборода. — Я хотел, чтобы на сцене действовали живые люди с живыми человеческими страстями и чувствами...

Свои стремления композитор выполнил. На сцене живут герои: страдающая и любящая, храбрая Милана — Л. Лобанова, мужественная венгерская девушка Йолан, роль которой превосходно исполняют народная артистка СССР Е. Чавдар и молодая певица театра Бела Руденко, мудрый подпольщик Рущак — Б. Гмыря, отважный партизан Василь — В. Козерацкий. Их чувства, настроения, стремления — все очень хорошо выражено в музыкальной драматургии оперы.

Действие спектакля происходит в Закарпатье. Весна 1939 года. Под руководством подпольщика-коммуниста Рущака борются за свою независимость свободолюбивые крестьяне...

Выразительны музыкальные характеристики героев, мелодична напевная, доходчивая музыка...

Сцена из спектакля «Дума о Британке» Ю. Яновского. Егор Иванович — Г. Бабенко, Грицько Коваль — В. Цимбалист.

ПОЛТАВСКИЕ СТРУНЫ

Очаровательная мелодия пленила слушателей, заполнивших зал парижского театра. В антракте к знаменитому советскому музыканту Давиду Ойстраху подошел старик-француз и спросил:

— Не будете ли вы добры открыть один секрет: в какой стране, какой мастер изготовил вашу скрипку?

Ойстрах с гордостью ответил:

— Скрипку создал московский мастер, а струны — полтавчане.

Эту историю нам рассказали на Полтавском мясокомбинате, где вот уже двадцать шестой год работает единственный в стране струнный цех. С первого дня его рождения здесь трудится старый мастер И. Г. Вира.

— Начинали дело,— вспоминает он,— в маленьком сарае. Все растворы приходилось сперва делать по цвету и вкусу. А потом стали осваивать технику, новый технологический процесс.

Чудесные струны для скрипок, альтов, арф, виолончелей, а по специальным заказам и для балалаек, мандолин, разнообразных национальных инструментов изготовляют ныне в Полтаве.

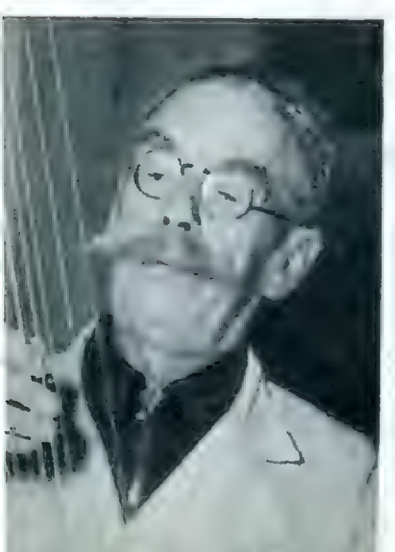
Сюда поступают заказы из Москвы, от музыкантов Большого театра СССР.

Полтавчане поставляют струны для фабрик музыкальных инструментов в Ленинграде, Москве и других городах страны.

Много полтавских струн отправлено в Китай, Монголию, Корею.

А. ЛИТОВЧЕНКО

Мастер И. Г. Вира.
Фото К. Лишко.

Праздником искусства был и показ спектаклей Государственного академического украинского драматического театра имени Ив. Франко на сцене МХАТа. В зале телевизионные камеры, микрофоны. Рукоплещут зрители, встретившись вновь со своими любимцами: Гнатом Юрой, Н. Ужвий, М. Крушельницким, В. Добровольским, П. Нятко, Д. Милютенко, О. Кусенко... Рукоплещут и деятели искусств Москвы, Ленинграда.

— Мы приветствуем богатырей прекрасного украинского искусства, — говорит народный артист СССР К. В. Скоробогатов. — В вашей республике замечательные цветут дарования.

— Чудесный спектакль! Прекрасные актеры! — восклицает народная артистка СССР А. К. Тарасова.

— Театр, безусловно, находится на подъеме, — говорит заслуженный деятель искусств РСФСР П. А. Марков.

Новые произведения советских авторов показали в дни 40-летия Октября многие украинские театры.

Львов, Одесса, Харьков, Сталино... Творческая перекличка городов.

Музыкальный театр в Сталино еще молод, но и он не захотел отстать от старейших коллективов. И вот после долгой и упорной совместной работы с композитором В. Гомолякой появился балет «Черное золото» («Шахтеры»). Шахтеры — трудно представить воплощение этой темы в балете. Но авторы нашли интересное и убедительное сюжетное и музыкальное решение. Это не пантомима, изображающая шахтерскую работу, а танцевальный рассказ о радостной, счастливой жизни советского шахтерского Донбасса. И спектакль полюбился зрителю, полюбился тем, кому он посвящен.

За кулисами театра после спектакля «Шахтеры». Почетный шахтер, горный мастер шахты «Центральная заводская» С. Г. Тимченко беседует о спектакле с заслуженной артисткой УССР Е. П. Горчаковой и с другими участниками.

Кадр из фильма «Песни над Днепром».

Быть ближе к жизни, к народу, стать ему нужным — к этому стремятся, об этом мечтают все художники Украины. Поэтому горячо и с большим подъемом работают они над новыми темами. Поэтому во время «Тижня» — Недели украинской советской музыки на Украине — исполнялись новые произведения в клубах и Дворцах культуры заводов, институтов, предприятий, и в обсуждении их всегда принимали участие трудящиеся. Поэтому концертные бригады выезжают в полевые станы, в отдаленные села. И с волнением прислушиваются постановщики, авторы и актеры к слову зрителей, сказанному о спектаклях.

Те, кто смотрел фильм «Песни над Днепром», хорошо запомнили замысловатые коленца и лихой перепляс искусных танцоров шахтерского ансамбля. Сколько выдумки и умения, юмора и подлинного веселья! Пляшут от души.

Да, здесь все делают от души — и пляшут и поют. Поэтому так завораживают чудесные украинские песни. Поют девушки летом в поле, поют зимой за вышиванием, поют долгими летними вечерами на берегу Днепра.

Сколько песен, рожденных в этих хорах, зазвучало потом по всей Украине, в Киеве, в Москве!

Сколько певцов, ныне прославленных и известных, приобщалось так к искусству!

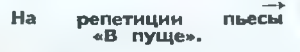
Юбилейная республиканская выставка народного искусства и художественной промышленности в государственном заповеднике — Киево-Печерской лавре. Глаза разбегаются! Вот замечательные изделия полтавских вышивальщиц — самая богатая фантазия не могла создать эти строгие, благородные орнаменты, необыкновенную гамму красок. Обильная, щедрая природа Украины была соавтором этих мастериц. Да разве только этих?

В глубь веков уходит резьба по дереву, которой испокон веков украшал свой дом гуцульский крестьянин. Гоголевскую «Сорочинскую ярмарку» вспоминаете вы, глядя на замечательную керамику Опошни, на изделия гуцульских гончаров, груботканые, яркие, декоративные ткани... Но, вспоминая и сравнивая, видишь: новая жизнь внесла животворную силу в искусство народных умельцев. Оно не только не затерялось в веках, — новое содержание, новая техника и условия труда сделали его еще лучше, еще прекраснее.

Вот почему с такой радостью и удовлетворением мастер народного творчества Василий Свида передает традиции своего искусства сыну Ярославу.

В большой семье украинских театров работают и русские труппы. Среди них талантливый Киевский театр имени Леси Украинки. Театр этот призван знакомить украинцев с русской драматургией. Но глубоко, ново и убедительно трактует он и пьесы, имеющие уже большую сценическую историю.

Федя Протасов из «Живого трупа» в исполнении М. Ф. Романова занял большое место в истории советского театра. Помнит зритель и эпическую постановку «Хождения по мукам» А. Толстого, и романтический спектакль «Каменный властелин» Леси Украинки, и многие пьесы советских драматургов. Сейчас театр, поставив инсценировку романа Ю. Смолича «Рассвет над морем», работает над драматической поэмой «В пуще» классика украинской литературы Леси Украинки.

На репетиции пьесы «В пуще».

Закончился Всесоюзный фестиваль театров и музыкальных коллективов. Лучшие спектакли были показаны в Москве. Наряду со старейшими прославленными коллективами Украины успех и признание выпали и на долю молодежи. Одесский театр музыкальной комедии молод, но вторично Украина посылает его в Москву демонстрировать свое жизнерадостное искусство.

Среди спектаклей, показанных в столице, — оперетта «Дайте волю песне» румынского композитора Г. Дендрино.

И вновь Москва приветствовала талантливых представителей украинского искусства, как прежде старейших, теперь — самых молодых.

Сцена из спектакля «Дайте волю песне».

СУДЬБА Веры Кочубей

А. РОЗЕН

С первого взгляда это пенсионное дело ничем не примечательно. Аккуратно подшиты документы: справки, анкета, заполненная мелким почерком, скупо написанная автобиография.

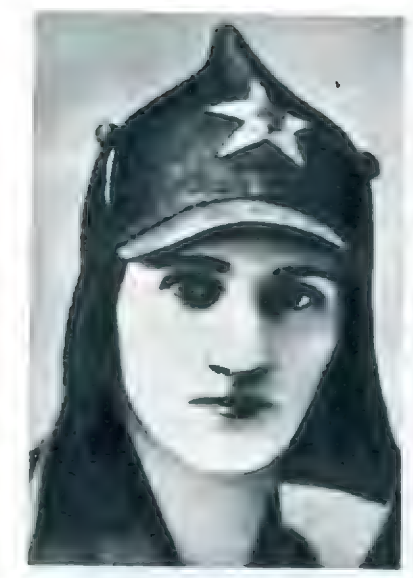
Но вот последняя страница. Что это? Пожелтевшая газетная вырезка, оборванная по краям. Время нанесло большой урон этому удивительному документу. Многие слова письма в редакцию газеты «Полиграфист», напечатанного нонпарелью, уже трудно разобрать. Но невозможно оторваться от поблекших строк, их нельзя читать без волнения!

В архивах не сохранилось этого номера многотиражки одной из киевских типографий, и тем большую ценность приобретает вырезка 27-летней давности. Вот это письмо:

«Проезжая через Киев, я на станции купил фрукты и на кульке из старой газеты увидел портрет той, которую считал погибшей. Если тов. Кочубей, работницу литографского цеха вашей типографии, зовут Верой Николаевной, если у нее на руке есть шрам от удара шашкой, то это та тов. Кочубей, которая на Северном Кавказе, то есть на Кубани, под станицей Атаманской, увидя, как упал убитым наш пулеметчик, прямо с коня вскочила на тачанку и осыпала теснившего нас противника таким ураганным огнем, что он растерялся, и это дало нам возможность отбить натиск врага. Истратив последний патрон, она впрягла свою верховую лошадь в тачанку и вывезла пулемет в безопасное место...

Когда нас перебросили в 1919 году на Верхний Дон, в бою под Ново-Хоперском тов. Кочубей попала в плен и, испытав все ужасы плена у Шкуро, бежала...

В 1920 году наши, заняв весь Дон и Кубань, а именно 33-я Кубанская дивизия, были переброшены для погрузки на станции Лихая и Зверево. Тов. Кочубей рапортом в политотдел попросила разрешения уехать на Польский фронт. Громким «ура!» встретили тов. Кочубей бойцы 1-го Кубанского полка, того полка, который она спасла от разгрома бандами Шкуро, и за что была награждена часами.

Вера Кочубей в годы гражданской войны.

Сыновья В. Н. Кочубей — Николай (слева) и Игорь.

Это та тов. Кочубей, которая на Польском фронте под Белостоком, сама обливаясь кровью от полученных ран в плечо и в ногу, вынесла из боя тяжелораненую сестру нашего полка. Она голодала с нами в Астраханских степях, была с нами на Южном, Юго-Восточном и Польском фронтах, обладая удивительным для женщины умением ориентироваться в боевой обстановке. Способная, отчаянно-смелая, стойкая коммунарка, она пользовалась всеобщей любовью, и в годовщину Красной Армии мы рассказывали подрастающему поколению станицы Атаманской о боевых делах тогда еще юной тов. Кочубей: ей в то время было 18 лет.

Мы считали ее зарубленной врангелевцами на Крымском фронте...

Бывший помощник командира и военный комиссар 1-го Кубанского полка Буторин».

Да, это та товарищ Кочубей, и зовут ее Верой Николаевной. Я сижу в скромно обставленной киевской квартире на улице Ленина, 54, и слушаю ее рассказ. Строки поблекшей вырезки словно оживают. По-молодому загораются глаза этой седой женщины, старой коммунистки и персональной пенсионерки, когда она вспоминает о днях своей юности.

— Разве прошло уже сорок лет? А мне кажется, что это было совсем недавно...

Дочь пролетария-революционера, дом которого служил партийной явкой еще в дореволюционное время, она пошла в 1917-м с винтовкой в руках на бой за Советскую Украину.

Вера Николаевна на всю жизнь запомнила этот холодный январский вечер. На Демиевке истекал кровью, но не сдавался гайдамакам матросский отряд Андрея Полупанова, боевого командира, который стал впоследствии первым советским комендантом Киева. Большие потери несли и петлюровцы. Во второй половине дня им подбросили подкрепление с Шулявки. Но бандитам преградили путь рабочие-дружинники. Вместе с другими Вера находилась в засаде в районе вокзала. Она крепко сжимала в руке свой карабин.

Вдруг из-за угла вырвался всадник и помчался прямо на нее. И хоть сумерки уже окутали город, семнадцатилетняя дружинница не промахнулась. Первой пулей — по коню, второй — по всаднику. Раненый петлюровец свалился на мостовую...

Она подошла и вздрогнула: узнала. Неужели это он, соседский паренек Григорий, соученик, товарищ детских игр, который стал ее женихом? Вот, оказывается, почему он не появлялся дома уже несколько месяцев! Не думала Вера о таком свидании после долгой разлуки...

Нет! Ее не растрогали его мольбы. Перед ней был враг, и она знала, как поступить...

Вскоре ей пришлось сменить ватник красногвардейца на крестьянский платочек. С большевистскими листовками и донесениями разведчиков проходила она сквозь заслоны кайзеровских войск в Унечу, к Щорсу. А потом военная судьба забросила Веру Николаевну на Кубань, где она совершила свой подвиг, спасая родной полк от разгрома.

Перед тем боем, под станицей Атаманской, о котором рассказала газетная вырезка, была Вера Николаевна на приеме у Сергея Мироновича Кирова, члена Реввоенсовета XI Армии. Именно он направил ее в 1-й Кубанский полк политруком эскадрона...

Под Ново-Хоперском Вера Кочубей попала в плен. После пыток белые расстреляли тридцать два раненых красноармейца, и в их числе была Вера.

Когда красные конники ворвались на хутор, их потрясла жуткая картина расправы. С военными почестями готовились они похоронить своих боевых товарищей. И вдруг среди расстрелянных двое оказались живыми: Вера Кочубей и командир пулеметного эскадрона Петр Платонов. В них еле теплилась жизнь. Воинов доставили в штаб, к Семену Михайловичу Буденному. Тихим голосом рассказывала ему Кочубей о расположении белых, о том, как палачи издевались над пленными конниками. Разговор не закончился: она потеряла сознание...

Едва оправившись от тяжелых ранений, Вера снова заняла свое место в боевом строю. И так до самого конца гражданской войны...

А когда началась Великая Отечественная война, Вера Николаевна Кочубей вместе со своим сыном, пятнадцатилетним Николаем, ушла на фронт. Николай был сначала разведчиком, а к концу войны служил в зенитной артиллерии. Он и сейчас в армии.

В дни войны в глубоком тылу воспитывался у советских людей второй сын Веры Николаевны — Игорь. Он тоже стал потом воином, танкистом прославленной Кантемировской дивизии. И нет для матери большей радости, чем письма ее мальчиков, принадлежащих к поколению, за счастье которого проливала кровь она, верная дочь своего народа, Вера Николаевна Кочубей — боец, коммунист, мать...

В. Н. Кочубей читает письмо от сына.

Фото А. Чалого.

Необычная выставка

Строгальщик В. П. Белов.

Скульптурный портрет В. П. Белова.

В залах Дворца культуры Харьковского электромеханического завода открылась необычная выставка изобразительного искусства. Это подарок рабочему коллективу ХЭМЗа от харьковского художественного института. Около двух лет молодые художники и скульпторы работали над созданием картин и скульптур, отражающих жизнь завода. Было сделано много портретов лучших производственников. На выставке представлено почти четыреста работ.

Увидел себя здесь кадровый рабочий-строгальщик Василий Петрович Белов: в зале показан его скульптурный портрет работы Бориса Волкова. Студентка Лидия Зимина выставила скульптурный портрет слесаря Николая Ивановича Офицерова.

Искусные руки

На прилавках магазинов в самых отдаленных уголках страны можно встретить замечательные образцы блузок, платьев, мужских сорочек, расшитых цветистыми узорами. Это изделия мастериц клембовской промысловой артели «Женский труд». Продукция винницких вышивальщиц не раз красовалась на международных выставках и ярмарках и по сей день пользуется большим спросом в стране и за рубежом.

Узорными тканями, плахтами, коврами, рушниками славятся Великие Сорочинцы и Решетиловка на Полтавщине, Богуслав на Киевщине, Тячев в Закарпатье.

Много в республике талантливых мастеров, создающих чудесные образцы художественной резьбы по дереву, камню, рогу. Львовские и станиславские резчики, например, искусно вырезают фигуры животных, птиц, делают шкатулки — «рахви», блюда, чернильные приборы, инкрустированные крошечными кусочками дерева или перламутра.

Своеобразна и оригинальна украинская керамика: глиняные куманцы, барильца, «баранчики», «львы», чудесные игрушки, расписанные и покрытые глазурью. Недавно возрождена так называемая косовская и кутовская керамика. Это всевозможные миски, баклаги...

М. БОЙКО

Ковровщица Тячевского промкомбината В. И. Дикун. Фото Л. Ковгана.

Альбом харьковского красногвардейца

Встреча боевых друзей-красногвардейцев (слева направо): Н. С. Фокин, В. Я. Балабанов, Е. И. Проценко, А. Я. Деге. Фото Я. Табаровского.

— А ну, дай-ка гляну, вспомню старину!

— Интересуешься, каким был и каким стал? Могу доказать, что ты был молодцом хоть куда,— шутит Евгений Иванович Проценко, показывая пожелтевшие фотографии.— Вот, пожалуйста, любуйся: это Фокин сорок лет тому назад, а это Балабанов.

— А это, пожалуй, ты, Евгений Иванович, собственной персоной,— говорит В. Я. Балабанов хозяину альбома, заметив на снимке парня в папахе, в военной гимнастерке, с пистолетом и саблей на боку.

— Тоже был хлопец, хоть куда казак! — смеется Н. С. Фокин.

— Незабываемое революционное время,— говорит А. Я. Деге.

Старый большевик Е. И. Проценко, кадровый харьковский рабочий, ныне пенсионер, в годы революции вступил в отряд Красной Гвардии и участвовал во многих боях.

В память о тех днях Евгений Иванович сберег несколько десятков любительских фотографий, составивших целый альбом. На снимках запечатлены эпизоды исторических событий. Евгений Иванович сохранил много фотографий-портретов своих товарищей по красногвардейскому отряду.

В. ШУМОВ

Е. И. Проценко в 1917 году.

ПИСЬМО И. Е. РЕПИНА

Профессор А. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

Публикуемое ниже письмо И. Е. Репина из «Пенат» к известному историку Слободской Украины, бывшему ректору Харьковского университета и вице-президенту Академии наук УССР Дмитрию Ивановичу Багалею (1857—1932), несомненно, представляет большой интерес. Великий художник выражает в письме свою нежную любовь к Родине, в частности, к местам, где протекло его детство, — Чугуеву и вообще Слобожанщине.

Репин сблизился с профессором Багалеем, как со своим земляком, историком тех мест, где художник родился и вырос. Обоих сближали прогрессивные общественно-политические взгляды. Когда Д. Багалей жил в Петербурге, он часто встречался с И. Репиным, который написал большой портрет ученого. Во время Отечественной войны портрет затерялся, но недавно был обнаружен специалистом по репинским работам В. Н. Москвиновым и находится в Харьковском музее изобразительных искусств.

И. Репин. Д. БАГАЛЕЙ.

14 ноября. «ПЕНАТЫ»
Финлянд. ж. д. ст. Куоккала
1907 г.
Приемный день среда от 3-х часов.

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович!

Большое и сердечное спасибо Вам за поздравление. Прошу Вас передать такое же и Музейской Комиссии Школы Рисования.

Ах, Слободская Украина, у меня к ней все больше и больше — род недуга делается — тоска по Родине. Я начал даже писать свои впечатления детства: время Украинск. военного поселения. И в октябре даже был в Чугуеве. Я не воображал, что Чугуев так красив. А главное, места, где протекало мое детство над Донцом, так трогательны, что хотелось плакать от умиления и совершенно особого настроения — грезы.

С Вашего разрешения, этюд написанного с Вас пойдет на Передвижную выставку и когда будет в Харькове, то по Вашему желанию может быть отослан — куда прикажете.

С чувством особого уважения и искренней преданности к Вам.

Илья РЕПИН

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПУБЛИЦИСТ

Е. ПОПОВКИН

Мы знаем и горячо любим Ярослава Галана как прозаика, драматурга, критика, страстного памфлетиста.

Молодой крымский литературовед К. Млинченко задался целью изучить опыт журналистской деятельности Ярослава Александровича Галана в советской прессе за последние десять лет жизни писателя.

Небольшая книжка К. Млинченко, изданная недавно Крымским издательством, — результат вдумчивой и кропотливой исследовательской работы. Она поможет всем нам, почитателям таланта Галана, более полно представить себе мужественный облик пламенного борца за независимость и счастье украинского народа, проследить за тем, как публицистическая деятельность писателя обогащала и оттачивала его художественное мастерство.

В книжке четыре главы. Галан — сотрудник газеты «Вільна Україна». Галан — радиокомментатор и автор многочисленных памфлетов, фельетонов в дни Великой Отечественной войны. Галан — специальный корреспондент на Нюрнбергском процессе. Галан — непримиримый и бесстрашный боец, борющийся с Ватиканом, римским папой, агентами Уоллстрита, буржуазными националистами. Исследователь на большом фактическом материале освещает этапы газетной деятельности Я. Галана.

Крымиздат выпустил эту книгу о работе Я. Галана в партийно-советской печати небольшим тиражом, на украинском языке. Нам кажется, ее следует перевести на русский язык и издать массовым тиражом.

К. Млинченко. Ярослав Галан. Кримвидав. Сімферополь. 1957. 132 стор.

В вычислительном центре Института математики Академии наук УССР. Директор института Б. Гнеденко проверяет результаты вычислений электронной счетной машины. У пульта управления старший научный сотрудник Л. Дашевский.

Фото Н. Козловского.

Взамен миллиона вычислителей

Б. ГНЕДЕНКО,
действительный член Академии наук УССР

...Вокруг Земли, удивляя мир, вращаются советские искусственные спутники. В эту блестящую победу коллективного разума советских ученых и техников внесли свой вклад и математики.

Не счесть всех точек приложения математики. На ее вооружение поступают все новые и новые умные машины, приборы, которые вчера казались еще фантастикой. Ныне в столице Украины строится один из крупнейших вычислительных центров страны. Корреспондент «Огонька» попросил рассказать о нем директора Института математики Академии наук УССР Бориса Владимировича Гнеденко.

Мне хотелось бы вначале сказать несколько слов о нашем институте, который скоро будет отмечать четверть века своего существования. Институт был создан в конце первой пятилетки в связи с большими задачами, которые поставили перед математиками работники промышленности. На Украине сложился ряд выдающихся математических школ, имеющих ныне всесоюзное и даже мировое значение. Из стен института вышло немало замечательных ученых. Первым его директором и основателем был выдающийся советский ученый, почетный член Академии наук СССР Д. А. Граве. Вместе с ним здесь работал талантливый математик М. Ф. Кравчук, вписавший много ярких страниц в развитие математической науки. Долгие годы в институте трудился один из крупнейших специалистов нашего времени в области математической физики, академик Н. Н. Боголюбов.

В Академии наук Украинской ССР под руководством академика С. А. Лебедева в 1950 году была создана первая в стране электронная счетная машина. Она явилась прототипом большой электронной счетной машины, построенной в Москве. С помощью первой нашей машины был выполнен ряд весьма важных для народного хозяйства вычислений, в частности сложнейшие расчеты, связанные со строительством линии электропередачи Куйбышев — Москва и сотен малых плотин для колхозных гидроэлектростанций, с проектированием больших энергосистем.

По мере углубления шахт и увеличения скорости подъема клети обычные статические методы расчета шахтных канатов оказались неудовлетворительными. Пришлось искать другие, более прогрессивные методы. Действительный член Академии наук УССР Г. Н. Савин и группа его учеников, пользуясь той же счетной машиной, разработали метод динамического расчета шахтных канатов, который успешно проходит промышленные испытания. Одна такая машина принесла стране за год несколько десятков миллионов рублей экономии на вычислениях.

Наш первенец явился для коллектива института своего рода трамплином к более совершенным образцам счетных машин.

На этих машинах широко использованы полупроводниковые элементы, благодаря чему размеры их значительно уменьшены.

Они предназначены для создающегося на Украине вычислительного центра. Это будет самостоятельное научное учреждение Академии наук УССР с большим коллективом математиков, инженеров и техников.

Диапазон заданий, которые получит вычислительный центр, чрезвычайно велик. Тут и помощь метеорологам для составления долгосрочных прогнозов погоды и металлургам в управлении доменным процессом. Машины будут производить расчеты для запуска искусственных спутников и движения будущих космических поездов. Их услугами воспользуются и астрономы и медики — математика смело вторгается и в хирургию сердца. Сердце и математика — что общего между этими понятиями? Оказывается, математика помогает лечить сердце. Современная операция на сердце требует от врача-хирурга точных расчетов, которые позволили бы безошибочно решить вопрос, возможна операция или нет. В этом случае на помощь придет электронная машина для диагностики сердечных заболеваний. Один аппарат расскажет о внутрикровяном давлении сердца, другой — запишет тоны и шумы, третий — колебания сердца в грудной клетке. Данные всех этих приборов затем попадут в электронную машину, которая установит объективный диагноз и подскажет врачу нужное решение. Это не фантастика — отдельные аппараты такой машины уже существуют, они установлены и используются в клинике грудной хирургии профессора Н. М. Амосова (Украинский научно-исследовательский институт туберкулеза).

Вычислительный центр будет оборудован несколькими типами электронных счетных машин. Они знаменуют новую ступень в развитии современной электронно-счетной техники. Их работа позволит заменить труд миллиона вычислителей.

ДНЕПРОВСКИЙ КАСКАД

Когда гитлеровцы отступали из Запорожья, они все подготовили для того, чтобы от Днепрогэса ничего не осталось. Но советские люди сорвали преступный замысел фашистов. На берегу Днепра похоронен с воинскими почестями неизвестный герой, спасший плотину Днепрогэса. Еще враг орудовал в районе станции, когда наши разведчики-саперы вышли на опасную операцию. Только один из них достиг цели. Он погиб, успев, однако, перерезать смертоносные провода. Имя его осталось неизвестным.

Удирая с берегов Днепра, фашистский генерал Штюльпнагель в донесении Гитлеру писал: «Промежуток в 25 лет — вот срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами».

Но советские люди снова совершили невозможное. Днепрогэс поднялся из руин через три года!

За 25 лет Днепрогэс имени В. И. Ленина дал стране свыше 43 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Он сэкономил народному хозяйству 20 тысяч железнодорожных составов угля.

Ныне у Днепрогэса появился младший брат — действует недавно возведенная Каховская ГЭС. Полным ходом идут работы на строительстве Кременчугской ГЭС, начато сооружение Днепродзержинской, разрабатываются проекты Киевской и Каневской ГЭС. Шесть этих крупных гидроэлектростанций общей мощностью свыше 2 миллионов киловатт составят Днепровский энергетический каскад.

В. ВАЛЕРНО

ЧАРЫ-КАМЫШИ

Рассказ

Олесь ГОНЧАР

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

За несколько дней до открытия охотничьего сезона мы уже прикидываем: куда? кто знает наилучшие места?

Наилучшие места знает — это нам известно — обер-мастер Сахно. Нет, наверное, такого озерца в нашем краю, нет такого уголка в плавнях, где бы не пугала уток его богатырская фигура. Но согласится ли обер-мастер в компанию к нам — ведь он всегда в одиночку, охотник-индивидуалист! Кроме того, и среди нас есть такие — в том числе и Степа-крановщик, наш охотничий бригадир,— которые неохотно идут на то, чтобы брать с собой обер-мастера. Поговаривают, что старик с грешком, что норовит на первой охоте бить с вечера, не дожидаясь утренней зорьки. Кто-то из наших заводских в прошлом году якобы даже гонялся за ним на Шпаковом, старик будто и утку тогда не успел подобрать, бросил незаконную добычу, а сам только зашуршал в камыши. Так и не опознали точно, Сахно то был или не Сахно.

— А не поймал, не говори, что вор,— заключил Петрович, наш машинист, сорок лет гонявший заводскую «кукушку» и лишь нынешним летом ушедший на пенсию. При невзрачной фигуре и маленьком, совсем высохшем лице голос у Петровича зычный, басовитый, и для нас он имеет особое значение. Петрович советует пригласить обер-мастера.

— Если и грешил когда в одиночку, то при всех нас... совесть разве в нем не заговорит?

— Все же коллектив,— замечает инженер Левицкий.— Должен будет считаться.

— Нет, вряд ли, вряд ли старик присоединится к нам,— усомнился Аксен-пожарный из заводской пожарной охраны.— У него «крякуха», а у нас с вами что?

Впрочем, вопреки нашим сомнениям, обер-мастер согласился без особых упрашиваний.

— Самому уже не везет. Может, с вами в компании повезет.

Теперь, когда старик с нами, мы откровенно признаемся, что рассчитываем на его знание края, на то, что он покажет нам хорошие, счастливые места.

— Веди нас, Сусанин,— шутит весельчак Костя из прокатного.

— Куда же вас повести? — раздумывает старик, словно колеблется, достойны ли мы его секретов. Вздохнув, помедлив, наконец, говорит с важностью, с какой-то загадочной гордостью в голосе: — Поведу я вас на Чары-Камыши.

Итак, мы едем на Чары-Камыши! Едем туда, где ждут нас роскошные охотничьи угодья со светлыми озерами, с душистым сеном, со свежестью и красотой утренней августовской зорьки!

Что за место, те Чары-Камыши? Буду там впервые, для меня они еще окутаны тайной, все там неизведанность, и в ожидании дороги я уже волнуюсь, мной овладевает чувство, подобное тому, которое, наверно, испытывали в старину мореплаватели, готовясь выйти на своих каравеллах в неведомый им океан.

Вместо каравеллы завод дает нам видавшую виды полуторку, и в субботу после обеда, как было условлено, вся наша охотничья бригада собирается у заводских ворот.

В нашей бригаде охотники разного возраста и стажа: есть ветераны этого дела, такие, как обер-мастер Сахно и Петрович, есть помоложе — большей частью бывшие фронтовики, а есть и совсем новички, вроде меня, что попал на завод сразу же после десятилетки и за плечами у которого ни стажа, ни охотничьих заслуг, кроме продырявленной вчера на пробах консервной жестянки.

И вот мы вместе. Одеяние на всех странное, смешное, может, это так нужно, может, утка любит, чтобы человек был, как чучело! Я еле узнаю инженера Левицкого в каком-то кургузом пиджачишке, и длинношеего Степу-бригадира, вырядившегося в старый, совсем поношенный трофейный китель, и его товарища Костю с прокатного, тоже фронтовика и тоже в кителе, и отягченного охотничьими принадлежностями Петровича, который еще больше согнулся и будто стал даже меньше от добровольной своей ноши... А обер-мастер! На него без смеха нельзя смотреть: на ногах какие-то ботфорты петровских времен, на голове большущая с полями шляпа, из тех, что носят наши доменщики, а на плечах брезентовая куртка, под ней — вторая, а под ней, кажется, и третья, и все это, несмотря на жару, затянуто ремнями, обвешано сумками, фляжками, ягдташами... Сбоку у обер-мастера болтается деревянная «крякуха», вызывающая немало шуток, но на которую старик возлагает большие надежды. Среди всех нас лишь Аксен-пожарный, не поддавшись горячке переодевания, явился, будто на службу, в своей молодецкой форме, которую только недавно получил и не успел еще, видно, ею налюбоваться — даже на охоту не снимает.

Ждать никого не приходится: в таких случаях не опаздывают. Располагаемся со своими ружьями и рюкзаками в кузове и...

— Ни пуха, ни пера!

Машина с грохотом и дребезжанием выскакивает на Царичанский шлях, несется через заводские поселки все дальше, куда-то в степь.

Наперегонки с нами, опережая пеших охотников, мчат мотоциклисты, «Москвичи», крытые брезентом «газики», торчат из них в разные стороны стволы ружей, выглядывают собаки, видны чьи-то возбужденные лица, среди которых мы узнаем своих же заводских. Соревнуясь с нами в быстроте, они что-то весело выкрикивают нам на лету, и мы им в ответ тоже кричим — так, лишь бы крикнуть, лишь бы дать знать, что и нам хорошо, что и мы торопимся туда же...

В кузове нас сильно трясет, подбрасывает, вытряхивает из каждого душу, но чувствуем мы себя отлично, на лихую езду водителя не жалуемся, пусть гонит, пусть нажимает на всю железку, ведь на Чары-Камышах мы должны быть первыми, раньше других!

Нас уже обвевает степной ветерок, небо над нами все просторней, вокруг пахнет пылью, жнивьем, бахчами. Пролетаем села; хаты белые, внизу окрашены голубым и все до одной крыты камышом, значит, где-то тут близко уже озера, плавни, где-то близко, может быть, и Чары-Камыши... Камыш на хатах от плавней, а вот те светло-голубые наличники на окнах, они от чего? Не от неба ли?

— В такой хате в любую жару прохлада,— задумчиво говорит Петрович, обливаясь пóтом в своей тяжелой охотничьей амуниции.

Он сидит как раз против меня, и на поворотах или на ухабах мы с ним крепко хватаемся друг за друга и едва не стукаемся лбами. Другие тоже, когда их подбрасывает, сваливаются в кучу, весело покрикивают:

— Держись!

— «Крякуху» деду не задушите!

Мы смеемся, всем нам весело, усмехается в подстриженные усы и Петрович, лишь в его светло-серых глазах, как всегда, глубокая задумчивость, даже грусть, будто и не на охоту едет человек.

Вдоль дороги тянутся колхозные поливные огороды. Из глубины их идут девчата с корзинами красных помидоров на плечах, ветер обвевает стройные фигуры; увидев нас, девчата смеются, смешит их, наверное, полная машина охотников, а может быть, странное наше облачение.

В просторной ложбине слепяще блеснула вода, на воде все бело от птиц, в кузове у нас оживление, глаза разгораются.

— Стреляй, Павел,— подзадоривают меня,— стреляй, не то поднимутся и улетят!

Но хотя перед нами и не дикие, а пекинские утки, и не дикие охотничьи угодья, а лишь искусственный колхозный водоем, однако уже один вид воды, камышей, птиц распаляет наше воображение, и мы долго не можем успокоиться.

Где же те Чары-Камыши?

Кажется, нам надо уже сворачивать с большака в сторону Днепра. Повороты идут один за другим, из кабины выглядывает изуродованное шрамами лицо нашего водителя Павловского:

— Где поворот?

Никто из нас этого точно не знает, даже и сам обер-мастер, который, оказывается, заходил на Чары-Камыши не отсюда, а добирался пешком, напрямик...

Выручает нас женщина, берущая воду у колодца при въезде в село.

— Вам на Чары-Камыши? — переспрашивает она добрым, приветливым голосом и, неизвестно почему, улыбается.— Так вот же на этот шляшок... Этот шляшок и доведет вас к самому месту.

Мы пьем воду из ее ведра, набираем еще и в баклаги, потом сворачиваем на едва за-

метный, убеленный солончаками шляшок, и он ведет нас куда-то в луга, где далеко-далеко на горизонте мглисто синеет за Днепром, дымит заводскими дымами наш родной город.

В небе, чистом, серебристом от солнца, уже проплывают аисты, летают степные чайки; чаек очень много, они подлетают к нам совсем близко, и Степа-бригадир суровым тоном предупреждает меня, что бить их нельзя, что убить чайку — стыд и позор для охотника.

— А цаплю?

— Цаплю тоже нельзя.

— А дрофу?

— Дрофу... Ни в коем случае.

Обер-мастер ухмыляется, прислушиваясь к нашему разговору.

— И того нельзя, и того, и того... Ты так совсем запугаешь парня,— обращается он к Степану.— А ты скажи ему, что же можно?

— До начала открытия,— инструктирует меня дальше Степа,— хотя бы утка и на нос тебе садилась, терпи. А то есть еще и среди нашего брата...

И с сознанием своих высоких бригадирских обязанностей он подробно объясняет, за что с меня будет причитаться штраф, за что еще больший штраф, а за что, может быть, и ружье отберут и с позором выгонят из общества. И это все предназначено мне, еще только взявшему ружье, не убившему ни одной утки!

Шляшок побежал через пастбище, тырловища, солончаки. То тут, то там виднеются колодцы с высокими журавлями — водопои среди пастбищ. Мы почти разочарованы. Вокруг какие-то пустыри, объеденные чертополохи, все выбито скотом, сожжено жарой... Где же озера светлые, угодья нетронутые?

— Обождите, все будет,— успокаивает нас обер-мастер. Он уже сориентировался в здешних местах, узнал их и, заметно оживившись, перебрался ближе к кабине, чтобы давать указания шоферу.

— Хуторок, вон с башней, видите?

— Видим.

— То силосная башня на колхозной ферме. А за фермой будет мостик. Переедем мостик и будем держаться правее, в сторону того вон кургана.

В самом деле, за хутором есть мостик, он лежит у самой земли, перекинутый через какое-то болото, от которого бьет в нос густым запахом нагретой солнцем воды. Мостик совсем разбит, машине по нему не пройти, и мы, соскочив на землю, ищем объезд. Объехать негде, что же делать?

— Давай на риск!

— Если засядешь, вытолкнем, нас ведь много!

Водитель берет отчаянный разгон, машина, разбрызгивая воду, доезжает до средины болота и там все-таки застревает, мотор глохнет, но мы уже здесь, наши охотничьи плечи готовы хоть гору свернуть.

— Раз, два — взяли!

И вот забрызганная наша полуторка уже стоит на сухом, а от нашей обуви несет запахом горячего развороченного болота.

Пока Павловский копается в моторе, протирая свечи, мы тоже приводим себя в порядок, счищаем с ног налипшую грязь, и обер-мастер Сахно, оглядываясь назад, говорит, что это даже лучше.

— Что лучше? — улыбается инженер.— Что мост дырявый?

— Зато сюда теперь никто не проскочит,— объясняет обер-мастер.— Одни будем на всю плавню.

Ой, вряд ли одни!.. Далеко под селом, мелькая за стадами, уже рыскают какие-то мотоциклы да «Москвичи», кажется, именно из тех, что обгоняли в дороге. Вот один из «Москвичей» уже, словно пронюхав наш след, мчит сюда, приближается к мостику и, ткнувшись носом в болото, с ходу останавливается.

— Там вам и ночевать,— говорит обер-мастер, и мы, отдаляясь, весело машем им на прощание.

Теперь мы одни. Но покамест и уток нет, не видно даже аистов да чаек степных, один громадный коршун над нами кружится, будто удивленный нашим появлением здесь.

— А коршуна бить можно, товарищ бригадир? — насмешливо спрашивает обер-мастер.

— Бейте, если попадете,— отвечает Степа.

— А, думаешь, не попал бы? Думаешь, глаз ослабел? — упрямо допрашивает обер-мастер с какой-то ревнивой усмешкой на устах.

На работе обер-мастер для Степана — начальство, а тут они вдруг поменялись ролями: старик сам очутился в подчинении у своего крановщика, нашего демократично избранного бригадира. Такое положение настораживает обоих, но перспектива, общая цель, в конце концов, и их объединяет одной заботой. Найдем ли мы тут то, чего ищем? Не заехали ли мы в пустые места? Это все больше нас тревожит.

Машина буксует в песке. Вынуждены снова слезать и нажимать на нее плечами. «Раз, два — взяли!». Нет, это чудесно — провести свой выходной вот так!

Переехав через изрытый скотом песок, выезжаем на холм, и перед нами открываются... поля кукурузы! Бескрайние, освещенные солнцем поля! Левее от нас трактор гудит, пашет жнивье... Пыль встает за ним. А где же плавни? Где озера?

Бригадир острым, укоризненным взглядом смотрит на обер-мастера, тот даже теряется, но только на миг.

— Давай прямо вдоль кукурузы! — кричит он в кабину.

Мчим вдоль кукурузы.

— По-моему, никакая утка сюда не залетит,— говорит Костя, вслух высказывая горькие наши сомнения.

В самом деле: фермы, стада, колхозные поля... Где ей тут удержаться?

Солнце уже склоняется к западу, а мы все еще не можем остановиться. Пожалуй, так и будем, как шальные, до ночи рыскать по полям.

Вскоре, словно чтобы рассеять наши сомнения, в стороне от кукурузных полей открывается луговой простор с широкими полосами камышей вдали. Наконец-то!

Я с волнением смотрю на этот открывшийся глазу простор. Как тут свободно, как легко человеку! Какие-то птицы, еле виднеясь, купаются в воздухе. Солончаки пятнами белеют, лоснится на солнце синеватая зелень рогоза, а дальше блестят камыши, и в тех камышах, наверное, светлые озера...

— Вот это Чары-Камыши,— гордо выпрямляясь, говорит обер-мастер.

— Чары-Камыши, ура!

Машина наша мчится к ближайшей полосе камышей. Останавливается.

Камыши высочайшие, густые, словно бамбуковые заросли. Слегка шелестят листьями на ветерке... Соскочив с машины, мы гурьбой бросаемся в заросли, камыши трещат у нас под ногами, а мы продираемся дальше, в самую чащу, в духоту, где уже и ветра нет, но где, мы знаем, неизбежно должна быть вода, а на воде, может быть, и сейчас уже сидят стаей... Дух захватывает от одного лишь предчувствия. Однако почему же до сих пор не хлюпает вода под ногами? Где же, наконец, вода?

Камыш кончается, глазам открывается довольно большая, окаймленная зарослями поляна: очевидно, был когда-то тут плес, а сейчас... сухо-пресухо. Все дно затвердело, превратилось в цемент.

Мы невольно обращаем свои взоры на обер-мастера. Старик разводит руками. Не дальше как в прошлом году, уверяет он, тут было воды ему по пояс, даже бредень он тут тянул, и рыбу ловил, и уток набрал, а теперь...

— Тьфу!

Мы верим ему, верим, что была здесь вода и рыба, потому что и сейчас то тут, то там поблескивают маленькие рыбки в сером закаменевшем дне.

Опустив головы, стоим угрюмой толпой над высохшим озером, над этой окаменевшей землей, и пот заливает нам глаза. Жара, духота здесь, будто в котле,— сквозь камыш даже малейший ветерок не провевает. Степа молча пробует ковырнуть носком неподатливый кусок ила, а Петрович... на нашего Петровича даже смотреть больно. Потемневший, убитый горем стоит, печально рассматривая дно озера, где совсем недавно рыба играла, а теперь твердь земная осталась, похожая на шлак. Еще больше опустились плечи у Петровича, отягощенные охотничьим багажом; кепка надвинута на глаза. И так худой, а тут будто еще больше похудел. Какая печаль, какая дума его гнетет?

Тишина горячая, устоявшаяся. Вдали едва слышно урчит трактор, кузнечик где-то стрекочет...

Пока мы стоим в разогретом камыше, среди высохшего озера, словно прикованные к его мертвому дну, до нашего слуха начинают вдруг доноситься странные шумы, какое-то очень знакомое стрекотание... Долговязый наш бригадир, поднявшись на цыпочки, первым замечает опасность:

— Полюбуйтесь... Это же они!

С холма по нашим следам прямо к камышам стремительно мчат те же самые мотоциклы да «Москвичи», которые мы бросили по ту сторону мостика. Подъехали, заглушили моторы, и вот уже, смахивая обильный пот, городские охотники стоят вместе с нами на том самом месте, где должно было быть озеро и где пышет на нас сухая, черствая, будто атомным огнем переплавленная в мертвую, бесплодную массу земля.

Неудача словно примирила нас с теми, от кого мы так упорно до сих пор старались уйти, и теперь мы уже сообща беремся искать выход из положения.

— Надо пробираться дальше в плавни, — советует один из прибывших, летчик-отставник. — Видите, все оттуда снимаются, — он кивает в сторону Днепра.

Мы смотрим туда. В светлом большом небе — никогда я не видел над собой такого неба! — в дальней дали, в высоком поднебесье, где, наверное, лишь реактивные летают, идут стаи птиц. Кто-то уже, видно, их там гоняет в этот беспокойный день. Однако, не долетая к нам, стаи снова поворачивают назад, значит, есть там где-то лиманы, озера, ведь не одно же высохшее наше озеро — вся эта приднепровская местность называется Чары-Камыши.

Посоветовавшись, мы всей гурьбой направляемся в ту сторону, навстречу далеким птицам, чуть-чуть виднеющимся в небесной синеве. На пути нам встречаются ложбины, поросшие камышом, осокой, в некоторых дно тоже сухое, даже гудит, а в других еще влажное, топкое, нога проваливается — видно, совсем недавно еще тут была вода, над загустевшим затхлым илом тучами вихрится болотная мошкара.

Цивилизация, однако, не оставляет нас и здесь. Видны какие-то хуторки в деревьях, с антеннами — наверное, полевые станы бригад. Где-то снова гудит трактор... другой. Дальней дорогой через луга прошла грузовая машина, одна, потом вторая; сначала мы думали, что они тоже с охотниками, но оказалось, что это колхозные грузовики возят с поля зеленую массу на силос. Плантации кукурузы не кончаются, тянутся и тянутся вдоль лугов куда-то чуть ли не к самому Днепру... Нет, вряд ли удержится дичь в этих обжитых, наполовину распаханных, совсем недиких местах. Некоторые из нас уже предлагают отправиться в другое место, подальше от кукурузы и тракторов, хотя знатоки уверяют, что утка будто бы трактора нисколечко не боится.

Я, откровенно говоря, уже считаю свою первую охоту неудавшейся. Сорвалось. Ведь кто же знал, что именно среди этих выгоревших пастбищ да колодцев с журавлями, среди вспаханных полей да кукурузы ждет нас такая неожиданность, ждет нас то, чего мы так долго и горячо искали!..

Озеро! Оно сверкнуло огромным светлым серпом у самой кукурузы, простираясь до самой полевой дорожки, по которой мы съезжаем с холма!

Подъехав, останавливаемся, словно сами еще не верим находке. Вода! Слышим, как она пахнет. Всплескивает рыба. Не сон ли это? Не мерещится ли все это нам? Тут жнивье, тут кукуруза и тут же рядом райское это место с живым дыханием воды, с зелеными луговыми травами да высокими камышами и даже с тенистой прохладой: группка деревьев — ветвистых осокорей, диких груш да каких-то кустов, кажется, терн, — темнеет по ту сторону озера.

— Э, да в кустах там уже кто-то есть!

Присматриваемся: в самом деле есть. В кустах поблескивает металлом багажника «Москвич», невдалеке замечаем замаскированный еще один, ближе к кукурузе, почти на солнцепеке, стоит подвода с черной маслянистой бочкой горючего, наверное, для тракторов. В воздухе с писком вьются ласточки, стаями проносятся легкие белокрылые крячки, на лету выхватывая что-то из воды. На блестящей водной глади нам отчетливо видно, как вдоль берега разгуливает разная озерная мелкота: тонконогие кулики, бекасы, а в тени под камышом то тут, то там темнеют утиные выводки. Мы их хорошо видим, они тоже, конечно, видят нас, но не боятся, как не боятся и гудения трактора, который снует невдалеке за холмом. Некоторое время мы радостно разглядываем озеро с его непуганой жизнью. Полушепотом, словно чтобы не распугать птицу, перегозариваемся:

— Крыжаки, смотри!

— Бекасов целый табун!

— Вон, снялись!

— Вон, снова сели!

По ту сторону у самого берега замечаем чью-то засаду: полукругом натыкан в землю камыш, брошена на землю охапка травы... Присутствие других охотников, впрочем, нас не беспокоит: озеро большое, места хватит для всех. Расходимся по берегу, лазим по камышам, распределяем, кому где стоять. Дело обходится без спора, хотя я чувствую, что иногда недалеко до этого: Степан-бригадир, скажем, наметил было себе место в конце озера, в самом тупике, за которым уже начинается на холме кукуруза. И хотя место не отличалось особыми преимуществами, обер-мастер тоже вдруг предъявил на него свои права.

— Берите, берите, — сразу же уступил ему место Степан, который будто и ожидал, что кончится именно этим. — Засватанная дивчина всегда лучше.

А солнце садится, садится, закат разгорается, и при его красном полыхающем свете удивленная птица видит, как мы носим снизу охапками камыш — там его много кто-то накосил — и маскируем им свою полуторку. Здесь возле машины, на виду у всего озера, будет наша ночевка. На этом же камыше мы будем и спать, устроим себе охотничью постель. Конечно, лучше было бы спать на пахучем, луговом сене, о котором мечтали мы, выезжая сюда, но ничего: сухой камыш тоже чудесно пахнет! Не разберем только, чем он пахнет: один говорит — болотом, другой — свежей рыбой, а в общем, чудесно.

Солнце еще не зашло, а уже выплыла луна, как-то незаметно выступив на мглисто-туманном небосклоне, и вот уже оба светила освещают этот тихий степной простор, который с седых времен, видимо, носит название Чары-Камыши... Какой чистый здесь воздух, какая тишина! Даже стрекотание кузнечиков, даже мелодичное тарахтение трактора ее не нарушает.

На вечер — костер, это уж так заведено. Меня, как новичка, первого гонят собирать сухие кизяки, за мной подымаются и другие, ходят по выгону, собирают — я вижу, делать это каждому приятно.

Когда уже кизяки выложены бугорком и остается их только поджечь, обращаемся за разрешением к своему пожарному:

— Разрешаешь?

— Разрешаю, — говорит Аксен и смеется.

— А знаете, почему он отделился? — щурится Костя.

— А почему?

— Будет бить вечером, вот почему.

Бригадир наш настораживается.

— Ну это пусть попробует!

— А что ты ему сделаешь?

— Тогда увидишь.

— Да он же тебе начальство!

— Тут у меня одно начальство: закон, — говорит Степа, и по его тону мы чувствуем, что ради этого закона он не остановится ни перед чем.

В небе, красноватом от заката, проходят стаи птиц. Кто-то пальнул, но очень далеко. На нашем озере тишина, мы не стреляем, терпим. Подняв головы, смотрим на вечерний перелет. Вечерняя зорька сегодня — только смотреть на нее, любоваться ее красотой!

— Благодать, — говорит инженер, и мы согласны с ним: в самом деле благодать.

Ну, а как же старик наш: пальнет или не пальнет? Мы к этому совсем неравнодушны и, разговаривая, все время прислушиваемся. Самодельная «крякуха», видно, приманывает: утки все время падают на воду где-то вблизи старика.

— Смотрите, просто на голову деду падают, — с веселой завистью говорит пожарный. — Интересно, насколько у него хватит терпения?

— В наше время идти на охоту с «крякухой» — это вообще варварство, — рассуждает вслух Костя. — Это же провокаторка! Сидит и приманывает. А ты только бахай да подбирай. Это уже не спорт, а черт знает что!

Петрович не согласен.

— А если зрение у человека не в порядке? — заступается он за обер-мастера. — Или, думаешь, у каждого глаз до старости, как у молодого?

Вот об этом мы и не подумали. Может, и

в самом деле старик сидит там на отшибе с «крякухой» лишь потому, что зрение у него уже не такое, как раньше?

— А это правда, Аксен, что, прежде чем принять к вам в пожарную команду, устраивают поступающему экзамен: вылежит ли двадцать четыре часа на одном боку? Если вылежит, — берут, а не вылежит, — не подходит.

Все хохочут, и пожарный хохочет, он нисколько не обижен.

— Что ж, такая профессия, — говорит Петрович. — У них, если команда лежит, это как раз хорошо, значит, все в порядке.

И вот, наконец, запылал он, охотничий наш огонек, далеко виднеясь с холма в мягкой сумеречной синеве. Все вокруг словно изменилось от этого вечернего огонька, отблески от него будто легли на все Чары-Камыши, затянутые дымкой, погрузившиеся в какую-то спокойную задумчивость. Да, стоило трястись в полуторке, блуждать на пастбищах, сомневаться и разочаровываться, лишь бы только провести этот вечер здесь, возле степного озера, у костра!

Достаем из рюкзаков провизию и все, что к ней причитается: пора! Пришло время приступить к традиционной охотничьей трапезе. Вся компания наша в сборе, нет лишь обер-мастера. Он сразу же после распределения мест ушел на свой участок ставить «крякуху», залез где-то там в камыш, не удалось и чаркой выманить его оттуда.

— Дело ведь даже не в утке, — говорит, разливая по второй, инженер. — Главное — посидеть вот так на природе, почувствовать после нашего индустриального грохота вот эту тишину вокруг себя, этот простор, это раздолье...

Мы лежим у костра, а над нами то парами, то целыми стаями проносятся птицы. Еще довольно светло, да, пожалуй, так и будет: светит полная луна, внизу на озере вода все сильнее блестит. За вечерней дымкой, окутывающей луга, в заднепровской дали все отчетливей видны могучие багровые дымы нашего завода.

Тишина, приволье, пахнет дымок костра...

Глубже становится вечерняя синева, и все ярче полыхает на холмике наш огонек, будто созывая к себе всех близких и далеких. По предложению инженера договариваемся, чтобы вместо традиционных охотничьих анекдотов у нашего костра рассказывать только правду, только действительные случаи из жизни.

— Ну, расскажи тогда, Аксен, как ты на Редуте охотился, — с искорками смеха в глазах обращается Костя к нашему пожарному.

— Ну что же,— Аксен и сам усмехается, видно, припомнив тот случай.— Иду, вижу в конце озера между осокой стая крыжаков, вот таких... Вот бы, думаю, не спугнуть! Вот бы, думаю, подползти и трахнуть по ним на воде (в воздухе я плохо попадаю). Чтобы не заметили меня, упал на землю и давай к ним по-пластунски. Ползу, ползу, а кругом песок, колючек полно, уже весь искололся, жарко мне, как от пламени, да не обращаю внимания, ползу. Уже вот совсем близко к ним, уже должны были бы и сняться, а они сидят. Что за чудо? Наверное, не дикие, а домашние! И поднимаюсь на ноги. В самом деле, домашние: не боятся меня, сидят себе на воде. Такая досада. Напрасно столько по колючкам полз, руки исколол. Стою, глазею на тех уток, они на меня, а я тогда, сам не знаю зачем, рукою мах да «киш!» на них, а они крыльями ляп-ляп-ляп и... вверх. Снялись — и будь здоров. А я стою и только чувствую, как картуз вот этот на мне подымается, подымается, ей-богу, и слова не вру...

За смехом мы не замечаем, как подходит к нам высокий мужчина в грубом дождевике, хотя дождем и не пахнет; на руке у него что-то поблескивает — обрывок какой-то цепи. Оказывается, это металлические путы для лошадей, а сам он колхозный конюх, пасет невдалеке табун.

Пока он, присев на корточки, прикуривает от уголька, мы начинаем расспрашивать его о здешних местах, об этом озере, водится ли здесь лыска, хитрющая болотная птица, что любит именно такие вот камыши.

— Водилась и лыска,— глухим, почему-то недовольным голосом отвечает нам конюх.— Еще я помню, озеро это было вдвое больше, тянулось аж вон туда,— угрюмо кивает он вдаль.

Курит наш собеседник как-то сердито, сплевывает, хмурится. Нам неловко, что он хмурится, к тому же не знаем, чем он недоволен: то ли тем, что мы забрались сюда, то ли свои у него какие-то неприятности. Поднесли чарку, выпил, но и это не развеселило его. Все тем же глуховатым голосом рассказывает, что недавно здесь даже и олени объявились, где-то их, видимо, распугали, так они сюда перекочевали, в Чары-Камышах последнее убежище себе нашли. Колхозные косари сено косили и нашли в траве двух олененков. Совсем маленькие были, еще и на ногах не держались. Забрали их девушки на ферму, выпоили молоком, как телят. Теперь их фотографировать из города приезжают.

— А матери что, не было?

Конюх насупился, помолчал.

— Олениху шульговские затравили. Окружили, хотели поймать, так она куда — к Днепру. Бросилась в воду и давай на ту сторону плыть, прямо на заводы.

— Ты смотри! — восклицает пожарный.— Ни домен, ни огня не испугалась!..

— До средины доплыла, но и там охотнички нашлись. Рыбаки-браконьеры какие-то с сетью бросились на нее, накинули невод на голову и...— колхозник сердито махнул цепью, — потопили.

Мы молчим, не находим слов, чтобы выразить свое возмущение, свое презрение к тем бесчестным браконьерам. Мы словно видим, как, задыхаясь, плывет затравленная олениха через Днепр, плывет прямо на черные индустриальные чащи нашего города, не пугаясь, что там до небес дым, и грохот, и зарева над домнами да мартенами... Не боялась этого, будто чувствовала, что нашла бы себе там и защиту и спасение.

— А те, негодяи, потом еще и шкуру принесли сдавать. Сейчас будто бы следствие ведут.

Больно и обидно все это нам слышать. Во всем этом чудится нам и упрек и предостережение. Даже неловко как-то смотреть в эту минуту на свои ружья да туго набитые патронами патронташи, лежащие кучей в сторонке. Невольно и слух и мысль обращаются в ту сторону, где в камышах засел возле своей «крякухи» обер-мастер и куда весь вечер падают утки. Что будет, если именно сейчас да грохнет браконьерский выстрел Сахна? От стыда мы провалились бы сквозь землю перед конюхом. А уж старику — нет, уж больше ему бы не охотиться!

Покурив, конюх уходит, позвякивая в сумерках своими путами.

Под впечатлением только что услышанного мы некоторое время молчим, потом тишину неожиданно нарушает Павловский, водитель нашей полуторки. Человек он неразговорчивый, сдержанный, и если бы не этот вечер у костра да еще не этот конюх с железными путами, мы бы, наверно, и не узнали, что в прошлом водитель наш был танкистом, еще в первые дни войны горел в танке, а потом прошел чуть ли не все концлагеря Европы. Лежа на спине, он куда-то ввысь, словно звездам, спокойно и будто даже бесстрастно рассказывает, как их группа во главе с одним поляком бежала из концлагеря, а их преследовали с овчарками, как прятались они по лесам, а потом, после тяжких мытарств, наконец добрались на север Италии, к итальянским партизанам.

Столько пережил человек, а мы, ежедневно встречаясь с ним на заводе, скромным, немногословным, так и не знали до сих пор, какой у него путь за плечами.

Рассказ Павловского навевает на нас грустные воспоминания о войне, склоняет каждого на невеселые раздумья, и после этого уже как-то и разговаривать не хочется. Молча сидим вокруг угасающего костра.

Потом расстилаем камыш, располагаемся на ночлег: до утренней зорьки у нас остается не так много времени.

Ночь прозрачная, бесшумная, теплая; словно бархатом, окутывает человека этот мягкий степной воздух. Хорошо, хорошо, что мы поехали сюда зоревать. Какой бы там ни была наша завтрашняя охота, но я уже счастлив, что очутился с товарищами здесь, среди просторов Чары-Камышей, где ночь словно и в самом деле какие-то чары таит в себе, загадочно о чем-то перешептывается с камышами, а озеро все больше светится под луной, а наши высокие заводские дымы за Днепром все сильнее отсвечивают багровым...

Ночью я просыпаюсь, разбуженный каким-то тревожным шумом. Где я? Ночь, озеро, внизу камыши шумят — шумят сильно, тревожно. Все небо в облаках, клубящихся, темных, и лишь там, поближе к луне, они стального цвета. Как все изменилось вокруг! Приподнявшись и озираясь, я не узнаю нашего места: все вокруг стало будто иным, фантастическим, тревожащим душу, суровым. Вода на озере словно отяжелела, переливается тяжелым перламутром — ветер гонит волну. И ветер какой-то необычно теплый, будто днем. Шуршит на ветру кукуруза, бежит шум по камышам. Не этот ли тревожный шум и разбудил меня? Облака низко клубятся над Чары-Камышами, а над городом нашим в тучах бушуют огромные сполохи зарева. Никогда я не видал таких!

А товарищи спят. Кто-то даже храпит, крепко, беззаботно, кажется, наш пожарный.

Спят, однако, не все. Недалеко от машины, на самом холме, виднеются две человеческие фигуры. В одной из них — меньшей, ссутулившейся — узнаю Петровича с ружьем на плече, с ним еще кто-то незнакомый, высокий, кажется, тот колхозный конюх, что приходил к нам вечером. Негромко разговаривая, они поглядывают вверх, в небо, на клубящиеся, изнутри освещенные луной облака. Речь идет, слышу, о японских рыбаках, пострадавших от ядерных испытаний на океане, от радиоактивного пепла, выпавшего на них.

— Ни за что люди пострадали,— слышу голос Петровича, — и виновных будто нету... А они ведь есть?!

На горизонте ярко, еще ярче, чем вечером, полыхает багровыми дымами наш завод, наш металлургический гигант. Впервые вижу его издали, впервые вижу, как небо над ним будто клокочет в могучем зареве; смотрю, и странное волнение охватывает меня: есть нечто доброе, обнадеживающее в этих наших огнях. Этой ночью отсюда наш завод открывается мне совсем по-новому, предстает в чем-то большем, нежели просто ковши с расплавленным металлом да вспышки горящего газа над бессемерами... Сполохи в полнеба, родной огонь за Днепром, я впервые ощутил отсюда его силу, ощутил, что сила в том огне огромная, титаническая.

В моем представлении почему-то возникает с детства знакомый обелиск, возвышающийся на площади перед нашим заводом, с чугунной фигурой Прометея вверху. Сами наши рабочие — среди которых был и Петрович — еще в двадцатые годы, в одну из годовщин революции, отлили того Прометея в память своих погибших товарищей, и с тех пор черный чугунный Прометей стал будто знаком завода. И сейчас это яркое, немеркнущее зарево, до самых облаков, для меня почему-то сливается с его образом, мне кажется, его возносит среди этой растревоженной ночи наш трудовой, наш мирный Прометей...

Вторично я просыпаюсь от выстрела, внезапно раздавшегося где-то в конце озера. Схватываюсь, мне кажется, что уже светает и я все уже проспал. Нет, еще не светает, это луна поднялась высоко и, вынырнув из-за туч, светит мне прямо в лицо.

Степан-бригадир, тоже проснувшись от выстрела, сразу же смотрит на часы: можно ли стрелять?

— Уже можно,— говорит облегченно.— Уже давно за полночь.

Кто же стрелял?

Стрелял, несомненно, обер-мастер, вырвал-

ся первым, раньше других. Ну да теперь пусть бьет: теперь разрешается. Только что он мог сейчас там увидеть в темноте?

— Должно быть, в «крякуху» свою шарахнул,— говорит пожарный, переворачиваясь с боку на спину.

Мы еще могли бы поспать, но сон уже не идет, уже каждого начинает разбирать охотничий зуд, лежим, переговариваемся, курим в ожидании зорьки.

Зорька уже скоро, хотя ночь вокруг будто сгустилась: луна отодвинулась, потонула где-то в облаках. До сих пор мне зорька представлялась непременно в румянце утреннего неба, но сегодня небо на востоке облачное и наша зорька особенная: не по рдеющему небосклону здесь определяют ее, а по чему-то своему, охотничьему, возможно, по шуму крыльев в воздухе, ибо хотя вокруг стало будто еще темнее, но уже то здесь, то там — дальше, ближе — слышим приглушенное, энергичное:

— Пильнуй [1].

— Пильну-у-й!

Торопливо расхватываем патронташи, ружья, спешим к озеру занимать свои места.

Бригадир на ходу сует мне коробку спичек.

— Забредешь в камыш — присвети!

— Зачем?

— Чтобы с той стороны по тебе кто не трахнул.

Ах, вот зачем!

— А ты тоже смотри, чтоб сгоряча дроби кому-нибудь не загнал.

Все чаще раздаются выстрелы, мне уже видно, как над камышом то тут, то там ярко-красными струями вырывается огонь из стволов, и я уже бегом бегу к своему месту. Стою в камыше у самой воды, по ту сторону озера камыш трещит, кто-то уже там ходит, покашливанием дает знать о себе. А вокруг стрельба нарастает, уже и вблизи меня, опадая, бессильно лопочет дробь на листьях камыша, травы... Волнуясь, я бросаюсь то сюда, то туда, не знаю, в какую мне сторону смотреть. В небе еще темно, пасмурно, я там ничего не вижу, хотя слышу, вернее, чувствую, что вверху полно уток, полно летящих, рассекающих воздух крыльев. Где же они? Почему не летят на меня?

Постепенно становится светлее, и мне уже видно Степана-бригадира, который стоит левее от меня в зарослях камыша. Я вижу, как он то присядет, то выпрямится и, приложившись, бьет, бьет, и оттуда, сверху, чуть не на голову ему вдруг: «Гуп! Гуп!» — падает одна, падает вторая. Степан бежит, подбирает и, не теряя времени, уже снова целится вверх, куда-то за холм. Припомнив его наставления, что утки будут лететь больше всего против ветра, то есть именно оттуда, из-за холма, я тоже становлюсь лицом в ту сторону и только стал, взвел курки, как на меня вдруг совсем низко, почти над камышом, надвинулась стая черных, упруго летящих торпед...

Ба-бах!

И, не веря собственным глазам, вижу, как, отделившись от стаи, стремительно падает вниз моя первая добыча... Бросаюсь туда, вижу, как, запутавшись в темной густой траве, что-то бьется, трепещет белое. Беру и чувствую, как пульсирует в руках что-то горячее, и мне становится вдруг тоскливо, и я уже будто и не рад своей удаче.

Прибегает, жадно дыша, Степан, я впервые вижу его таким взволнованным, возбужденным.

— О, утенок!.. Поздравляю! Только жив еще, подранок... Добей!

Добить? Нет, я этого не могу. Просто не могу — и все.

Степан выхватывает у меня утенка из рук, и я, еле успев отвернуться, слышу короткий удар о приклад.

В груди у меня будто что-то оборвалось, но вскоре неудержимый охотничий восторг снова овладевает мною: начался лет! Все небо, посветлевшее, раннее, летит на нас.

Чалые летят.

Крыжни.

Широконосы.

Резвые бекасы, тарахтаны, кроншнепы!

Я бью, бью и... мажу, мажу. То ли волнуюсь после первой удачи, то ли и сам не знаю, что со мной происходит.

[1] Пильнуй — смотри, карауль! (укр.)

Степан, заметив частые мои промахи, советует мне перейти туда, к той вон заводи, и попытаться бить на воде. Там такое место, что должны быть лыски.

Я перехожу туда. Присев в камыше, по щиколотку в воде, осматриваю поверхность озера. В конце озера замечаю вдруг на открытом месте силуэт одинокой крупной утки. Кажется, чалая! Дух захватывает от желания подкрасться, выстрелить; я, согнувшись, уже делаю несколько шагов в ту сторону, как неожиданная догадка озаряет меня, спасает от конфуза: «Крякуха!» Это же плавает на воде выставленная обер-мастером «крякуха».

Интересно: много ли набил там старик? Палил еще с ночи, а вот, не удовлетворившись тем, что набрал на воде, решил еще, видно, попытать счастья и в воздухе. Настороженно присев под камышом, не отрывая глаз, следит за пролетающей резвой стаей бекасов, или «хвастунов», как он их называет. «Хвастуны» летят прямо на старика, раздается выстрел, вздрогнула вся стая, накренилась в воздухе и, поднявшись выше... весело улетает дальше. Обер-мастер еще долго смотрит вслед, словно ожидает, не упадет ли хотя одна. Нет, не падает.

Устроившись в камыше, я начинаю наблюдать за густыми зарослями противоположного берега. Камыш там тянется стеной, местами заходит в самую воду, отражается в ней мерцающей тенью. Там, где тень, вода, как темное зеркало. В одном месте в камыше разрыв, просвет, и вот туда я нацеливаю все свое внимание. Мне показалось, что там что-то мелькнуло, скользнуло по зеркалу воды. Сижу, не шевельнусь. Проходит некоторое время, и вот из камыша осторожно, как-то грациозно выглянув, выплывает на воду она, лукавая водяная озорница... Лыска! Без малейшего звука, легким, скользящим движением плывет она по зеркальной поверхности. ...До чего же славная — глаз не могу от нее оторвать!

Допускаю ее почти до середины заводи, прицеливаюсь, и вот уже садануло в плечо, брызнуло дробью по воде, неприятно ударило запахом дыма; рассеялся дым, и... лыски нету. Не попал! Промахнулся, ушла в камыши...

Проходит несколько минут, я, затаив дыхание, выжидаю, и вот, словно в насмешку, ее грациозная шейка и грудь уже снова лукаво показываются из камыша. Мне кажется, она выглядывает оттуда как-то даже шаловливо, чтобы подразнить меня, чтобы сказать, что она жива и здорова, а я мазила.

Она то прячется в камыше, то снова появляется; я не знаю, сколько времени длилась бы эта «война нервов», если бы меня не окликнули.

— Довольно тебе,— слышу из-за камыша.— Набил сам, оставь еще и другим!

Оглянувшись, вижу Степана-бригадира, Петровича, Аксена-пожарного. Они уже, видно, собрались идти к машине. Настроение у всех бодрое, приподнятое, даже Петрович повеселел. У каждого на боку висит связка дичи. Правда, уток, немного, больше разная мелочь, бекасы.

Вот так, когда висят, они кажутся совсем маленькими, не то что в воздухе. Это я уже сегодня заметил, что птица, которую подбирают с земли, оказывается куда меньше, чем ты видел в полете.

У нашего пожарного правая щека почему-то распухла, в кровоподтеках.

— С чего это у тебя?

— Ложе слишком плотно прижимал, а заряды у меня большие... Не заметил, как и набило!

И расплывается в улыбке. Что бы там ни было, ему весело.

Медленно направляемся к машине, и только теперь я замечаю, что небо уже совсем чистое, облака рассеялись, и солнце, поднявшись, начинает пригревать. Ветер, так внезапно налетевший ночью, уже совсем утих, дым после стрельбы долго плавает низом, застаивается, запах пороха слышится в воздухе.

Стрельба почти везде прекратилась, успокоились Чары-Камыши на всем своем пространстве. Лишь изредка грохнет выстрел: это какой-нибудь неудачник в веселом отчаянии пальнул по стае уток, еле виднеющейся высоко в небе. На недосягаемую для выстрела высоту поднялась птица, не достать ее там теперь. Какая красота вокруг! Бесконечная чистая голубизна и живые крапинки птиц по ней!.. А над нашим озером, над тростниковыми зарослями, над светлой, залитой солнцем ширью Чары-Камышей, где недавно грохотала стрельба, лишь аисты величаво плавают, озирают из поднебесья поле боя, словно какие-нибудь нейтралы...

Возле машины уже собрались все, кроме обер-мастера. Он еще не приходил.

— Может, набрал, что и не подымет?

— Давайте подъедем к нему,— шутит Костя,— чтоб прямо в кузов уток его грузить...

Это идея. Садимся и едем вдоль озера к засаде старика — это нам по дороге к дому. Бригадир ищет его глазами в камыше, а старик вдруг поднимается к нам из кукурузы: замаскированный, сидел там, на самом холме, видно, ожидая уток. Могучая фигура его не спеша движется к нам. Мы жадно ждем, пока он выйдет из кукурузы, нам не терпится разглядеть, какая связка уток болтается на боку у старика, и когда он выходит, то мы видим, что болтается там... одна его верная, на токарном станке выточенная «крякуха»!

И это все?!

Тяжело ступая своими ботфортами, старик молча приближается к машине. Подаем ему из кузова руки, он, кряхтя, залезает к нам. Лицо у него усталое, раскрасневшееся, мокрое, как после плача. И в то же время оно какое-то просветленное, будто добрее, чем было вчера.

— Восемь крыжней вот таких сидело возле «крякухи»,— начинает рассказывать он.— Весь вечер сидели, и чего же было не ударить, а? До полдвенадцатого сидят, до без четверти двенадцать сидят, а я... бамбук. Вот уж бамбук, поискать такого.

Пока с места не трогаемся, он все ворчит, корит себя да всячески поносит, однако в этом ворчании его не слышится злости, и как он ни срамит себя за упущенных крыжаков, кажется, что в душе он доволен, что сложилось все именно так. Выдержал, не нарушил закона товарищества!

Однако упущенные крыжаки, видимо, не дают ему покоя. Только взглянет на связки дичи у других, на свою одинокую «крякуху», сразу начинает ерзать, гудеть, сетовать. Снова мы слышим, как до полдвенадцатого не бил, до без четверти двенадцать не бил, знаем, что и дома все его родственники, все внучки да внуки не раз еще услышат об этих крыжаках, что — от такие вот! — сидели до полночи возле его «крякухи», а он, собрав всю свою выдержку, так и не выстрелил.

— Думал, до зорьки будут сидеть, а они как снялись, больше уже и не прилетали...

Мы смотрим на его крепкие старческие руки с толстыми, уже потерявшими гибкость пальцами, на глаза, которые перевидали столько расплавленного металла на своем веку, а теперь все время слезятся, и все больше проникаемся к старику сочувствием.

— Не грустите, Федотыч,— высоко держа голову, говорит Степан-бригадир. Он набил сегодня больше всех и поэтому в хорошем расположении духа. — Привезете и вы кое-что старухе: поделимся. В нашей бригаде такой закон: убил не убил, а делиться поровну!

И Петрович, и инженер, и все мы охотно поддерживаем бригадира в его великодушии. Так и сделаем!

Машина мчит через луга; все дальше поблескивает за нами озеро, все дальше камыши, тырловища и табун коней среди пастбищ у колодца, и высокий, кажется, тот, что вчера к нам приходил, колхозный конюх, держа блестящее на солнце ведро, смотрит нам вслед...

Прощайте, Чары-Камыши!

Пусть не высохнут ваши озера, не разлетится птица, пусть ничем не омрачены будут ваши чудесные зорьки!

Перевод с украинского.

По страницам журнала ПЕРЕЦЬ

Товарищ завфермой, у нас холодно, на голову снег падает...
Ничего удивительного — зима!

О. Козюренко.

ХРОНИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ

— Это что такое?..
— А это наш директор. С ним всегда такое творится, когда наступает последняя декада.

И. Александрович.

НА СТАДИОНЕ

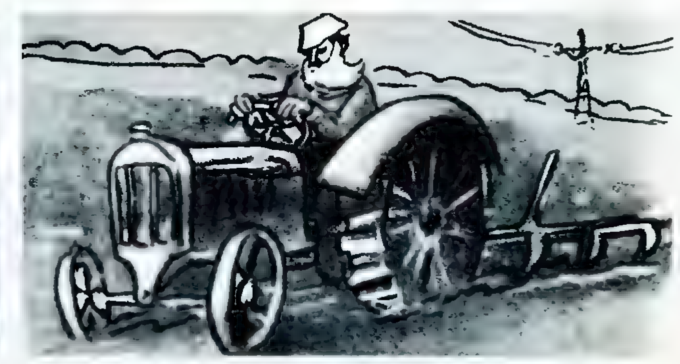
— Ну что это за болельщик: не кричит, не ругается,— даром только место занимает!

И. Александрович.

За экранизацию произведений классиков иногда берутся дельцы-халтурщики...

Лев Толстой до...

...и после «экранизации».

Л. Каплан.

— Куда же это ты его?
— В поле — поближе к производству.

О. Козюренко.

Грачи прилетели.

С. Самум.

Наши издательства часто увлекаются выпуском «ходовой» переводной литературы, а тиражи новинок советской литературы уменьшаются.

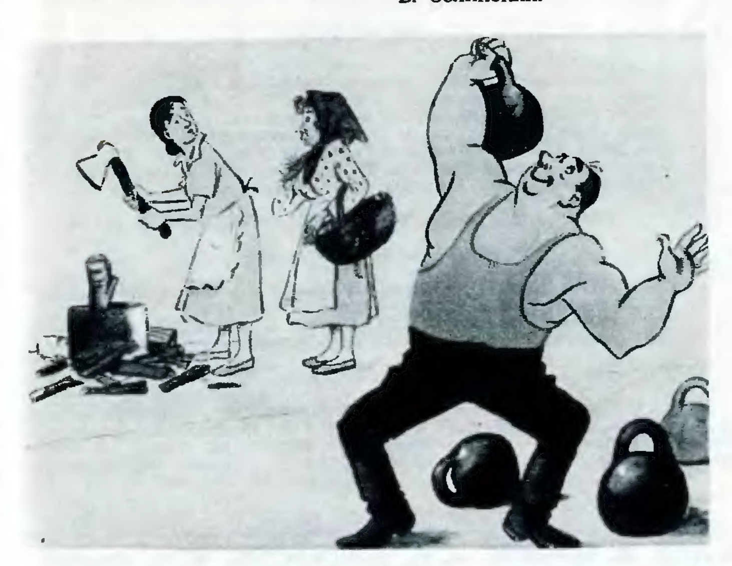
— Как же тут пробиться!

В. Зелинский.

...а полить забыли.

Л. Бойко.

— Почему вы сами дрова колете?
— У мужа нет времени, он мускулы укрепляет.

О. Козюренко.

— Твои картины нужно было бы повесить в соседнем зале, там всегда бывает много народу.

Бе-Ша.

Степан ОЛЕЙНИК

Рисунок Ю. ГАНФА.

Днями в городе Нью-Йорке,
В ресторации одной,
А верней сказать, в обжорке
Разгорелся жаркий бой.

Кто кулак в соседа тыкал,
Кто схватил с тарелки кость.
Хоть сначала
Все без крика,
Чин по чину началось.

Тут со свалки разных штатов,
Из различных городов
Дядя Сэм собрал остаток
Недобитых подлецов,

Что пытались от России
Украину оторвать,
Что за слитки золотые
Продадут отца и мать:
Сэр Макитра, герр Бандера,
Мистер Бульба, пан Очкур,—
Всякий, бей его холера,
Распроклятый сброд петлюр.

Жрали, пили, точно свиньи,
А с подмостков хриплый бас
О «соборной» Украине
Завывал под пьяный джаз.

А когда до «буги-вуги»
Наконец-то джаз дошел,
Сгоряча сцепились други —
Кулаками бряк о стол.

Спорят... Хмель глаза туманит...
Перегрызлись меж собой:
Кто же гетманствовать станет,
Коль «придут к себе домой»?

— Гетман я! — Очкур озлился.—
Булавы не дам! Не дам!..
Тут Макитра взбеленился,
Бац Очкура по зубам.

— Может, вам еще и митру?!
Высоко хватили, сэр!
У меня, Панька Макитры,
Кличка Гетман в фе-бе-эр!..

— Я владыка Украины! —
Рявкнул Бульба... Кресло — хвать
И наотмашь, как дубиной,
Ну обоих лупцевать.

— Лезь, да знай, гадюка, меру!
Тоже, гетман... Врешь, браток,
Гетман я! — взревел Бандера...
Р-раз — и вилку Бульбе в бок.

Началась такая свалка,
Что в обжорке пыль столбом!
Кто тузит соседа палкой,
Кто орудует ножом.

Претендентов на корону
Душит алчность, душит злость,
Вопли, крики, брань и стоны —
Все смешалось, все слилось.

— Гетман я, головорезы! —
Из-под кресла несся вой.
Звон посуды, лязг железа,
Грохот, скрежет —
Словом, бой!

Рвались бомбами графины
И летели сапоги...
Так «делили» Украину
Наши лютые враги.

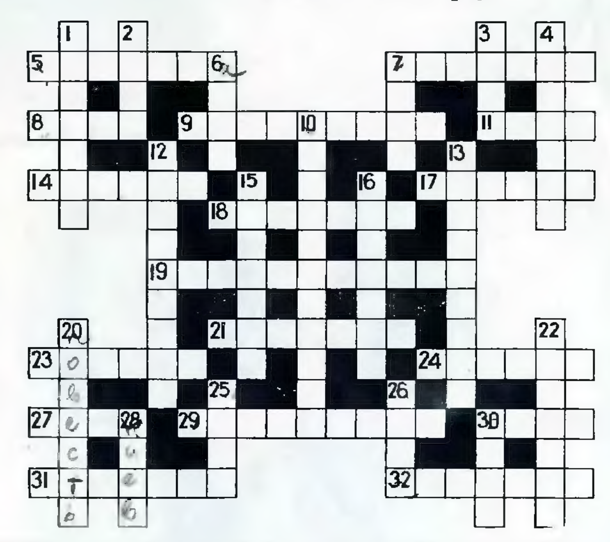
Битва стихла спозаранку...
Видно, пробил час идти
Битым «гетманам» в охранку
Службу давнюю нести.

Говорят, латают сэры
Кто штаны, а кто пиджак.
Мы же бульбам и бандерам
В напутствие скажем так:

— Как арбузам на калине
Никогда не поспевать,
Так у нас, на Украине,
Вам вовеки не бывать!

Перевел с украинского
Дм. СЕДЫХ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Союзная республика. 7. Название сборника стихотворений Т. Г. Шевченко. 8. Единица измерения силы. 9. Минерал, драгоценный камень. 11. Стихотворение И. С. Никитина. 14. Русский писатель. 17. Руководитель высшего учебного заведения. 18. Поэма А. С. Пушкина. 19. Общество, объединение. 21. Скульптор XIX века. 23. Музыкальный инструмент. 24. Персонаж оперы С. Гулак-Артемовского. 27. Приток Днепра. 29. Советский драматург. 30. Основоположник норвежской национальной музыкальной школы. 31. Род травянистых растений семейства амариллисовых. 32. Птица отряда куликов.

По вертикали:

1. Сильный северный ветер. 2. Чешский художник. 3. Сочетание линий, красок, теней. 4. Раздолье. 6. Пулеметчица в кинофильме «Чапаев». 7. Город в Африке. 10. Часть речи. 12. Зеленый пигмент растений. 13. Ягода. 15. Римский поэт. 16. Род войск. 20. Художественное произведение. 22. Декоративное растение, ценный подвой для вишни. 25. Герой гражданской войны. 26. Спутник одной из планет. 28 Древний город на Украине. 30. Пещера.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

9. Коловорот. 11. Ателье. 12. Лиотар. 13. Сосредоточенность. 14. Сигма. 16. Искыр. 20. Гальваностереотипия. 21. Предупредительность. 24. Скула. 26. Сквер. 31. Кондиционирование. 32. Бланки. 33. Анналы. 34. Пластилин.

По вертикали:

1. Батист. 2. Окегем. 3. Шлифовка. 4. Светочувствительность. 5. «Арабески». 6. Атлант. 7. Платье. 8. Плоскость. 10. Голсуорси. 15. Минерал. 17. Светляк. 18. Тавро. 19. Кисть. 22. Диссонанс. 23. Опричнина. 25. Арбитраж. 26. Скарпель. 27. Скальд. 28. Лисипп. 29. Гвиана. 30. Неолит.

На вкладках этого номера репродукции картин: Г. С. Мелихова «Щорс у В. И. Ленина», М. И. Хмелько «Шахтерская свадьба», Т. Н. Яблонской «Молодежь», В. В. Шаталина «По долинам и по взгорьям», М. М. Божия «Медсестра» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

А 10066. Подписано к печати 19/XII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1292. Заказ № 3123.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Туристы у подножия горы Петрос в Закарпатской области. Фото Н. Козловского.

Цена номера 3 руб.
ПОБЕДА